



Фото Дмитрия Шматкова

Александр Кобелев

СТАВЕНКИ РЕЗНЫЕ

Избранные стихи и проза

г.Иркутск – 2021 г.

- **Кобелев Александр Афанасьевич**
Избранные стихи и проза

Александр Афанасьевич Кобелев родился в 1955 году в посёлке Залари Иркутской области. Окончил Ангарский промышленный техникум. Работал оператором, помощником машиниста тепловоза на Ангарском электролизном химическом комбинате, лесником в Нукутском районе. Публиковался в журнале «Сибирь», в коллективных сборниках, автор поэтических книг: «Леший» (Иркутский писатель, 2010), «Дорога на Балтай» (Издательство «Оттиск», 2012), «Вещий камень» (Издательский центр «Сибирь», 2012), книги для детей «Жёлтый шарик» (Издательство «Оттиск», 2016). Живёт в посёлке Ново-Нукутск.



«Ставенки резные» – пятая книга Александра Кобелева. В новой книге представлены стихи, написанные в последние годы, а также частично входившие в предыдущие публикации. Впервые в книге представлена проза автора: публицистическое повествование «Шалонинск. Сказание о моей деревне», рассказ «И это всё о нас...» и сказочная повесть «Розовая чайка».

Редактор и автор предисловия В.В.Козлов
Компьютерная вёрстка, обложка А.В.Тугов
Корректор С.В.Долгих
Фотография на обложке – Дмитрия Шматкова

Василий Козлов

ЖИВЁТ ТАКОЙ ПОЭТ

Поэзия и стихи не одно и то же. Стихи лишь форма, а поэзия – содержание. Поэзия высшая степень совершенства литературной речи, и необязательно связанной с рифмой. В этих «дебрях страшных» легко заблудиться, но без хотя бы поверхностного объяснения мы не можем перейти к стихам Александра Кобелева.

Писатель Михаил Тарковский так сказал о поэтическом творчестве: «Вообще, писание стихов и прозы действительно очень родственно охоте. И со словом, и с пушницей то же: добываешь, вычищаешь, как соболя, обезжириваешь, напяливаешь, отминаешь, выворачиваешь, вычёсываешь смоляные закаты. И тоже волнуешься. Перед сдачей». Точно сказано о технологии рождения стихов, но не о её сути. А в чём всё-таки ядро поэзии?

Когда размышляешь о судьбах поэтов, об их творчестве и зигзагах жизни, невольно обращаешь внимание на сопутствующую трагичность. Как будто Господь метит своим перстом, указывая на их горестную избранность: Пушкин, Лермонтов, Гумилёв, Есенин, Павел Васильев, Рубцов, Прасолов, Высоцкий, Тальков. Чем больше масштаб дарования, тем выше и страшнее расплата. За что?..

«Поэт не может быть счастливым в тревожные для мира дни», – написал Василий Фёдоров. «Я поэт, счастливой доли Быть не может у меня», – вторит ему Николай Зиновьев. Поэзия разных поколений – переключка птиц в солнечном лесу. Зиновьев может не знать стихов Василия Фёдорова, но созвучен ему, потому что говорят они о Судьбе поэта, которая загадочным образом, как правило, беспощадна. Трагизм душевного и духовного мира – основа поэзии, а слова только наполнение, способ выражения. Иногда маска.

Научиться писать стихи может каждый. Для этого необходимо немного: элементарная грамотность, знание русской поэзии в объёме средней школы и желание, желание играет ключевую роль. Знать поэзию необходимо, чтобы иметь представление, а что же это такое – поэзия, впрочем, это необязательно, потому что мало кто знает, что это такое, а что такое стихи, знает каждый: песни, написанные стихами, звучат вокруг нас и днём и ночью. И только тот поэт, кому чудесным образом удаётся запечатлеть не только красоту слога, но и возвышенную душу, народный характер – не декларативно и декоративно, но живо, отображая его и раскрываясь своей сердцевиной. «Для того чтобы стать поэтом, необходимо два условия. Во-первых, нужно иметь что сказать другим людям, читателям, и сказать так, чтобы это не только заинтересовало их, но и взволновало, захватило. Во-вторых, нужно уметь сказать это в поэтической форме. При отсутствии одного из условий поэт не состоится», – писал в одной из статей Анатолий Столяревский.

Мы живём в горестные для русских людей годы. За скобки жизни, по сути, на кладбище вынесена и погребена русская песня, русская музыка, русская душа, которая в них заключена. Строй русской жизни выдворен за рамки массовой информации, и новые поколения лишены общения с родными напевами, этот цивилизационный геноцид может привести к полной потере нашего культурного своеобразия. Современная русская поэзия – единственный остров в чужеродном окружении, единственное прибежище для уходящей на дно русской Атлантиды.

Поэзия должна быть объявлена национальным достоянием, в школах должен быть выделен предмет «Русская Поэзия» отдельным курсом, если мы действительно хотим сохранить народную душу, в наибольшей степени запечатлённую в вершинных достижениях.

Дмитрий Лихачёв назвал русскую поэзию самой великой поэзией в мире, заметьте, *самой*, а не в ряду иных. Так сказать мог только человек, понимающий, доподлинно знающий то, с чем он сравнивает. А он знал, он был знатоком европейской культуры, читал европейскую поэзию в подлинниках, изучение «Слова о полку Игореве» и пристальный взгляд в начальное сияние русской поэзии определило вкус и обострённое чувство родных созвучий.

Александр Кобелев заявил о себе в зрелые годы. Он сам для себя определил этот срок или так распорядилась судьба – не имеет значения. Почти одновременно, с небольшим перерывом вышли его книги стихов: «Леший» (Иркутский писатель, 2010), «Дорога на Балтай» (Издательство «Оттиск», 2012), «Вещий камень» (Издательский центр «Сибирь», 2012).

Автор подвёл некий творческий итог. Книги были живо встречены читающей публикой, литераторами, он был принят в Союз писателей России.

Пишет он не много. Это знак серьёзного отношения к творчеству, и не количество определяет в итоге значимость произведений. Есть авторы, издающие многотомники, но не имеющие профессионального одобрения. Провинциальные поэтические ручейки и речушки питают великую реку. Русская поэзия по происхождению своему деревенская, как, впрочем, и проза, – по врождённой близости к живой природе, к пейзажу, к земле, из которой мы вышли. Городов, в современном значении, когда зарождалась наша литература, не было, поэтому приписывать какую-то особую роль крестьянскому миру – лукавство или непонимание: весь мир был крестьянским, то есть христианским. Все выдающиеся имена несут в творчестве эту светоносную силу.

Когда я смотрю на географическую карту нашей области, то почти каждый малый город или село отзываются поэтическими именами ушедших и живущих поэтов. Каждый из них пусть и малый, но центр притяжения. Все они в своих городах, и посёлках, и сёлах делают работу по сохранению человеческого в человеке. Подчас не важно, что каждый написал, насколько высоко поднялся по поэтической лестнице, но они поддерживают интерес к поэзии, являясь хранителями несметных сокровищ русской письменной культуры.

Александр Кобелев живописует в графике и в красках, раскованность его стихов изумляет, при этом он не впадает в обыденность.

*Разрезает небосвод
Чёткий след от самолёта,
Будто белым мелом кто-то
Прочертил его полёт.*

* * *

*Будет всё как изначально –
Флаг увижу в вышине:
Синий крест диагонально
Лёг на белом полотне.*

Лёгкость его – в народных истоках: в частушке, в песне, в пословице.

ПЛЯСУН

*Время праздника пришло,
Пляшет, пляшет всё село.
Не умею дроби бить,
Но охота лучшим быть.*

*Как пошёл плясать вприсядку,
Вся изба дала усадку.
А как задал трепака,
Прыгал стол до потолка.*

*От моих-то от коленцев
Разлетелись вёдра в сенцах.
От моей-то от чечётки*

Половицы – как решётки.

*От моей-то чеботухи
Закрестились старухи.
Я и лучшие сдробочу,
Если горло промочу.*

Кобелев чутко реагирует на происходящее, он живёт в народе, но не в том смысле, что знает народную жизнь, он не может не знать, он сам часть народа, и не худшая его часть. Его публицистичность мягка, не обидна для человека села и всякого думающего человека, но, может быть, обидна для чиновника, равнодушного к жизни селян. Он точно реагирует и отмечает нестроение в жизни, несправедливость: совестливость есть стержень народной жизни.

Лёгкость слога, свободное дыхание речи и при этом – почти полное отсутствие бытовой привычности. Он растворяется в словах и через них концентрируется присутствие его неповторимой души в этом мире, её самость и открытость ощущается в каждой строфе, разговорная интонация становится актом искусства. От стихов веет не сочинительством, а естественностью.

Он сознательно отказывается от всех формальных достижений прошлого и поёт как Бог на душу положит. Время присутствует в его стихах, присутствует событийно, а не назывно, в них присутствует и говорит от себя сибирская глубинка начала XXI века. В какой-то степени в его стихах видна реальная действительность современной деревни в её культурно и бескультурно образованном сообществе. И сам автор узнаваем в стихах и прозе, наполняя чуткой душой своей бывшие до него мёртвыми слова и буквы. Поэзия – живая вода русской речи, и кому как не поэтам заботиться о её сохранности, заповедности и незамутнённости.

Не на пустыре построил свою поэтическую избушку Александр Кобелев: узнаются строки, взятые взаймы у других поэтов, живших до него. Он делает это сознательно. Это естественно, как и в русской классике, – перекрёстное заимствование литературных образов и сюжетов.

*Эй, лети с дороги, птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстреей.*

* * *

*И крестьянин, торжествуя,
обновляет путь
(на уазике буксуя
в поле где-нибудь).*

О Великой Отечественной войне написано немало прекрасных стихотворений и поэм. Много и дежурных, холодных, и пустых, не оплодотворённых ни талантом, ни духом. И о войне, свидетелем которой он не был, Александр Кобелев сказал простые, душевные и трогательные строки:

*Мячик свечкой ушёл в высоту,
и бегут, догоняют друг друга
ребятишки, играя в лапту
в шумном сквере за Домом досуга.*

Рядом – мрамор пригрела весна,

*тополя, как в поклоне, согнулись.
Этот мрамор хранит имена
тех солдат, что с войны не вернулись,*

*полегли, но я вижу порой,
как они все стоят у ограды,
и любят детскую игру,
и весеннему солнышку рады.*

Александр Кобелев чувствителен к бурятской культуре, знакомство с героическим эпосом отразилось в его творчестве не буквой, но духом. Как удаётся ему проникнуться особенностью соседнего народа, для меня загадка. Впрочем, поэзия всегда загадка. В современной иркутской поэзии нет другого автора, переводчика или поэта, умеющего воплотить душу другого народа, это не может быть выработано длительными упражнениями, это даётся изначально, как любовь, как дар многогранного слова.

*Посреди степи, где седой курган,
Жил да был Саргал – тугешинский хан.
Хоть не молод был, но силен и смел,
Молодых троих сыновей имел.
Старший сын его был Алтан Шагай,
Средний сын его был Мунгэн Шагай.*

*Младший сын Нюргай был в ту пору мал,
И отец его соплячком прозвал.
Тот Нюргай ещё продолжал расти,
Как отец послал их телят пасти.
Братья выгнали и пасут телят,
Было тех телят ровно семьдесят.*

*Братья бегают и не ведают,
Чем сегодня днём пообедают.
Вот уж есть пора, и сказал Нюргай:
«Брат Алтан Шагай, брат Мунгэн Шагай,
Здесь у нас телят очень много есть,
Вот бы нам втроём одного бы съесть».*

*Братья старшие не решаются,
Ведь родители заругаются.
Взялся их Нюргай успокаивать,
Уговаривать и настаивать:
«Мы съедим телка, а потом втроём
Шкуру травами посильней набьём.*

(«Три брата»)

Не могу не отметить мягкую, особую иронию – характерную черту, выделяющую его из ряда иркутских сочинителей. Его голос узнаваем, в нём угадывается сходство с Ростиславом Филипповым: их ирония родственна, она беспокойна, незлобива и многозначна.

Конь красив и статен.

*Это, кстати, знал
Тот, кто много статуй
В бронзе отливал.*

*Деятель и воин,
Облачённый в медь,
Каждый ли достоин
На коне сидеть?*

*Может, переплавить,
Если портит вид?
А коня оставить,
Конь пускай стоит.*

В книге «Ставенки резные» три радела: поэзия, проза, и особняком обозначена повесть «Розовая чайка», написанная по мотивам бурятских легенд.

Лирические стихи выделены в главный и особый раздел, автор книги в первую голову поэт, умеющий свободно мыслить, выделяющийся особым тембром голоса. Сегодня расплодилось множество сочинителей, перерабатывающих разнообразную современную информацию, подобно мясорубке, и легко усвояемый фарш доставляющих с столу невзыскательного читателя. Нашего поэта обошли формальные веянья века: лесенки и горки, механические формы, головные образы, жаргонные обороты, разъедающие традицию. Кобелевское следование традиции творческое и это наполняет его стихи особой лирической новизной.

«Ставенки резные» названные автором *рассказом в стихах*, написаны размером финского эпоса «Калевала», но разве думаешь об этом, когда читаешь из русских стихов и образов составленную, я бы сказал, *лирическую* поэму. Вот вам и всемирная отзывчивость русского человека, его способность чуждое воспринять как своё и преобразовывать, делать своим!

«Подошла к концу работа. Собирают в кучу стружки и обрезки от стропил. Кто-то песню напевает, закурил махорку кто-то. К окнам ставенки резные старый мастер прикрепил. Отошёл, полюбовался: да, красивые узоры, сам придумал те узоры, сам узоры вырезал. Пусть теперь украсят окна, пусть притягивают взоры, как хозяйка попросила, как хозяин заказал.

А хозяйская девчонка рядом с мастером вертелась, с восхищением смотрела на окошки, стены, дверь. Всем прохожим и проезжим ей похвастаться хотелось, что в таком красивом доме будет жить она теперь.

– Глянь на ставни, непоседа, их потом покрасить нужно. Белый голубь сел на ставню. Эти голуби к добру. Так что с Богом заселяйтесь и живите дружно-дружно... Положи топор на место, а то уши надеру!

Отскочила, засмеялась, убежала непоседа. Знала: мастер очень добрый, хоть и строгое лицо. А потом пронаблюдала из-за дворика соседа, как, замкнув их домик, мастер положил ключ под крыльцо. Тем ключом открыла двери. В доме тихо, жутковато. Планы строит: здесь, возможно, будет новая стена, здесь сундук, там столик будет, а вон там – её кровать. Нет, кровать пусть поставят возле этого окна. В эту щель, за подоконник, спрячет все свои копейки, тут шкатулочку поставит, тут – коробочку для лент». («Ставенки резные»)

Как-то в разговоре Александр Кобелев сказал: «Свои стихи я вначале публикую в районной газете «Свет Октября».

Земляки мои иногда путают меня с моими героями, когда я пишу от первого лица.

Стихов о любви у меня не больше пяти, иногда спрашивают: «А кто это твоя чернобровая? А кто такая Людмила?»

Многие считают, что я пишу на бурятскую тему, потому что знаю бурятский язык.

К сожалению, не знаю, кроме нескольких фраз и слов.

Один из моих знакомых как-то спросил: «Прочитал – глазам своим не поверил. Ты что, на самом деле сильно пьёшь? А вроде бы никогда тебя пьяным не видел».

О пьяницах я пишу, потому что им очень сочувствую – каждый имеет право на счастье, и жаль, что это чувство они получают только в пьяном состоянии. Снимаю шляпу перед теми, кто смог пересилить себя и «завязать».

Для меня главное в жизни, что земляки хорошо относятся к моему сочинительству, за что я им благодарен. Добрые слова окрыляют.

В творчестве главное найти нужную тему, а зарифмовать я могу любой текст».

Этим он упраздняет «муки творчества», о которых любят, повторяя друг друга, писать несостоятельные сочинители.

Для Александра Кобелева поэзия занятие лёгкое, вдохновенное и радостное, потому, я в этом уверен, и в читательской душе она отзовётся светло и сочувственно.

СТИХИ

* * *

Я люблю читателей и люблю читательниц –
жён, невесток, тещ, сестёр, тёток, матерей,
снох, племянниц, кумушек, вдов, невест, своячениц,
крестниц, мачех, падчериц, внучек, дочерей,
свах, золовок, бабушек – все их поколения,
сватьюшек, свекровушек... Всех назвал, кажись.
Представляю в книге вам все свои творения,
но не про любовь они, а про нашу жизнь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БРОШЕННУЮ ДЕРЕВНЮ

Жизни светлая страница,
сердца нашего частица,
край, что нам ночами снится,
Шарагул.
Он сегодня с песней лета,
как зелёная планета,
в море солнечного света
утонул.

Не в гостях мы здесь, а дома,
с детства всё нам здесь знакомо.
Только вдруг раскаты грома
как салют.
Шарагул салютом встретил.
Значит, нас узнал, приветил.
«Это, братцы, – друг заметил, –
абсолют».

Хоть устали мы отчасти,
Радость встреч – такое счастье!
Будто снова мы во власти
юных грёз.
Вспоминаем то и дело
что прошло, что пролетело,
вспоминаем в роще белой
у берёз.

Тихо вторят нам берёзки,
словно детства отголоски,
словно светлые полосы
у судьбы.
Помнишь, там сарай был старый,
а за ним паслись отары,
там – кошары, там – амбары
у избы.

Там – кукушку услышали,
там – косили, там – пахали.
А как дружно отдыхали –
Благодать!
Ягод было столько много!
Помнишь, в гору шла дорога?
Заросла она бурьяном,
не видать.

И лились воспоминанья,
запоздалые признанья.
Но внезапно расставанья
пробил час.
День промчался почему-то,
как единая минута.
Дня и не было как будто.
Вот те раз!

Вот уснули птицы в чаще,
целый день для нас звенящей.
Вот машины отходящей
мерный гул.
Шарагульский тихий вечер:
месяц – лампа, звёзды – свечи.
Мы кричим:
 «До новой встречи,
Шарагул!»

ДВА КОМАНДИРА

Наш батальон всего-то
четыреста солдат,
два командира роты
и раненый комбат.

Один запомнил свято:
Мать-Родина зовёт!
Кричал: – Вперёд, солдаты!
Вперёд! Вперёд! Вперёд!

Другой слова комбата
почувствовал спиной
и закричал: – Ребята!
За мной! За мной! За мной!

Геройски оба пали
в бою за высоту.
Кто видел, тот едва ли
забудет схватку ту.

Как шёл на пулемёты
наш малый батальон,
два командира роты
вели нас с двух сторон.

Бежал один комроты
в цепи своих солдат,
рванул в цепи пехоты
осколочный снаряд.

Не видя, что там, кто там,
за чёрной пеленой,
бежал другой комроты
и всё кричал: – За мной!

Но с флангов полоснули,
а он был впереди,
и справа, слева пули
сошлись в его груди.

Заткнулись пулемёты
атакою двух рот,
но пал один комроты,
кто дал приказ: – Вперёд!

Лежит, молчит покорно,
перевернулся мир,
и прозвучало скорбно:
– Прощай, наш командир!

И пал другой комроты,
который звал: – За мной!
И плакала пехота:
– Прощай, отец родной!

Украл я пачку сигарет,
мне лет двенадцать было,
и до шестидесяти лет
мне пачки той хватило.

Не смейте трогать детвору,
терпение истрата!
Но всё ж за то, что не курю,
Тебе, спасибо, батя.

ТАНИН ПОРТРЕТ

Вот вам лирики немного.
Значит, так:
 моя берлога,

почтальонка у порога,
у неё журнал в руке.
И картинка на обложке –
Танин светлый лик в окошке
в обрамленьи снежной крошки.
И берёзки вдалеке.

В глубине морозной, зыбкой
Таня слушает с улыбкой
как звучит волшебной скрипкой
птичий щебет в тишине.
Что мне все джоконды эти,
если Таня на портрете
вся в хрустальном зимнем свете,
вся в мечтаньях о весне.

ПОЙ, МОРИН-ХУР!

На плечах богатырских сверкает броня,
и сверкает Унга отраженьем.
Славный батор Гэсэр поит в речке коня
перед новым тяжёлым сраженьем.

И в полуденный край конь Гэсэра умчал,
где сойдутся в бою исполины,
а над степью седой морин-хур зазвучал
в тишине предрассветной долины.

Пой о том, морин-хур, как Нукутской земле
помогают бурятские боги,
пой о тех, кто полжизни проводит в седле
и чьи песни длинны, как дороги,

о хамхарской степи, где под шёпот веков
ветер гладит ковыль серебристый,
о полянах шалонинских рыжих жарков
и жалгайский багульник душистый.

Что у нас родились, а не в дальних краях
все великие улигершины.
Это гордость моя, это гордость твоя,
это гордость Унгинской долины.

Снова птицы поют о рождении дня,
над Турёном заря заалела.
Снова поит Гэсэр боевого коня.
Синий тенгрий над ним - нет предела.

А случится беда – дружно встанет народ
на защиту родимого края,
и о Родине нам морин-хур запоёт,

на могучем коне нас Гэсэр поведёт,
копиём богатырским играя.

МАРИИ НАДЕЕВОЙ

Спой, Мария, песню об Унге,
речке, что дала названье краю,
о степи бескрайней, о тайге.
Я, ту песню слыша, замираю.

Спой, Мария, песню о любви.
Я вернусь к душевному уюту.
Песней мою юность позови,
пусть она придёт хоть на минуту.

Спой, Мария, по-бурятски мне,
хоть опять я не пойму ни слова.
Жаворонком звонким по весне
пусть звучит твой дивный голос снова.

Спой, Мария, песню. Просто – спой.
Спой мне своим голосом чудесным.
Пусть летит, Мария, голос твой
прямо в небо, к ангелам небесным.

* * *

Куда идём мы, правый Боже,
сквозь мрак, туманы и дожди?
Куда, «сумняшеся ничтоже»,
Ведут нас новые вожди?

Когда прозреет Божьим словом
люди православный на Руси?
О, Богородица, покровом
укрой наш храм и нас спаси!

* * *

Май. Легко мне дышится.
Кончился апрель.
Скоро ли услышится
жаворонка трель?

Вешнею водицею
окроплён ковыль.
Мчится вольной птицею
мой автомобиль.

Над моей дорогою
синева небес.
Как мне душу трогают
поле, речка, лес,

старые валежники
около сосны,
первые подснежники,
баловни весны!

Еду, еду мимо я
на стальном коне,
Родина любимая
греет душу мне.

ДРАМАТУРГИ СТРОЯТ ДОМ

То вдруг улетят в облака,
то вдруг словно в недра уходят,
возводят дворцы из песка,
воздушные замки возводят.

Кто выстроил карточный дом –
трудов бесполезных не жалко.
Соавторы строят вдвоём,
и значит, у них – коммуналка.

А кто-то властям подпевал,
ища от забвенья спасенья,
И каменный дом простоял
до первого землетрясения.

А этот тяжёлым трудом,
приняв наши беды и боли,
срубил по-сибирски свой дом.
Добротный. И окнами в поле.

ОДА БОРЦАМ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЮЗА

Быстро мы забыли всё, что было,
нам имперской прыти не унять,
и взялись утроенною силой
пролетариев всех стран соединять.

Снова распахнули мы объятья,
каждому стараясь угодить.
Снова набираем младших братьев,
чтоб себе на шею посадить.

Так, свободы толком не изведав,

повторим мы горькую судьбу,
снова собирая дармоедов,
снова собирая голытьбу.

ЗАРОК

Сказали светлые умы:
не зарекайся от сумы,
не зарекайся от тюрьмы,
не зарекайся.

А если что наговорил,
плохое дело сотворил,
не ту дорожку проторил –
приди покайся.

Не зарекаюсь от сумы,
не зарекаюсь от тюрьмы,
но в жизни, с детства знаем мы,
бывает всяко.
Вот вышел вдруг на скользкий путь,
хотел ли, нет – не в этом суть,
а что прошло, то не вернуть.
Беда, однако.

Но если я собьюсь с пути,
скажу:
«Господь, меня прости
и подскажи, куда идти.
Я постараюсь».
Пусть Бог меня накажет, пусть!
От Бога я не отрекусь.
И в этом я вам не клянусь –
я зарекаюсь.

ДОРОГА, МОЩЁННАЯ ЖЁЛТЫМ КИРПИЧОМ

«Что время? Его много,
и счастье впереди.
Лишь жизненной дорогой
иди себе, иди.

Где тише, где быстрее
иди себе вперёд.
Ведь жизнь, как лотерея:
авось да повезёт».

Так брёл он понемногу,
не думал ни о чём
и вышел на дорогу
под жёлтым кирпичом.

И понял без подсказки,
что кто по ней пойдёт,
того в конце, как в сказке,
волшебник Гудвин ждёт.

Там жить легко и просто,
и он рванул туда.
В глазах мелькают вёрсты,
в ушах свистят года!

Так жизнь и пролетела,
волшебника всё нет.
Вдруг небо потемнело,
и отключили свет,

и подкосились ноги,
и он упал, крича,
и нет уже дороги,
и нету кирпича.

Никто не отвечает
на одинокий крик.
Сквозь тьму он различает
свой жизненный тупик.

Он передумал много
и вспомнил в эту ночь,
что должен был дорогой
хотя б троим помочь.

Но, в жизни много встретив
несчастных у дорог,
он никому на свете
ни разу не помог.

Он вспомнил и о Боге,
когда пришла беда,
в конце своей дороги –
дороги в никуда.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА ЕВДОКИМОВА

Так в мечтах бывает
или только в сказке –
празднуют в нукутской
школе выпускной.
Там в весёлых песнях
и в весёлой пляске
головы кружила
ночь перед войной.

На горе Турёне
солнышко встречали,
сельской молодёжи
было не до сна.
и домой вернулись,
когда все устали.
Тут и прозвучало
Страшное: «Война!»

Далеко от дома
за Отчизну бился
выпускник вчерашний,
помнил про Турён.
И домой с победой
в мае возвратился,
не убит врагами
и не покорён.

От войны уставший,
избежавший смерти,
ощутил он радость
мирного труда.
Дом, семья, работа –
в этой круговерти
так и не заметил,
как прошли года.

Круг судьбы замкнулся,
и сегодня с нами
нет выпускников тех
предвоенных лет.
Но солдаты наши
стали журавлями,
как писал Гамзатов,
пламенный поэт.

Журавли вернулись
к нам весной ранней,
Синим небом плыли
в свой родной причал.
Одного из них, я
знаю, звали Ваней,
Он, летя над школой,
громко прокричал.

ПЕТУХИ

Не проспят и минутка в минутку,
когда только проклюнется день,
заиграют крестьянам побудку

вековые часы деревень.

Старикам вы играете, что ли?
Ведь сбежала давно молодёжь:
За копейки горбатиться в поле
добровольцев уже не найдёшь.

Здесь осталась опора Союза,
юность прежняя прежней страны,
А теперь государству обуза,
коль к работе уже не годны.

Вековечные пасынки власти –
не пойму, за какие грехи...
Вы им утро бессонное скрасьте,
вы попойте для них, петухи.

МАЛЬЧИК НА КРЫШЕ

Он уселся птенчиком
прямо на конёк,
зазвенел бубенчиком
детский голосок.

Там, на крыше, чудится:
потянишь слегка,
и желанье сбудется –
схватишь облака.

Прадед гонит борова,
семенит смешно.
Что на крыше – здорово,
позабыл давно.

Мальчик ветром тешился –
весело, свежо!
– Ты куда утрешшился?!
Жвахнешься ужо!

* * *

Срок у жизни очень строгий.
Я к концу своей дороги
стану дряхлым и убогим,
по ночам хандрить начну.

И, не справившись с тоскою,
я (с фамилией такою)
выйду в поле за рекою
да завою на луну.

СТАРШЕКЛАССНИЦА

Собирать подснежники в лесу
убежали все твои подружки.
У тебя экзамен на носу
и на нём же милые веснушки.

Смотришь на подснежников букет,
мыслями с утра летаешь где-то.
Выучи хотя б один билет,
почитай вопросы и ответы!

Ищешь ты совсем другой ответ:
«Кто же на мансарду влез, как кошка,
и вот этот маленький букет
положил в открытое окошко?»

ГЕРОЙ И ГРЕШНИЦА

*Почему иногда дать жизнь человеку – грех,
а убить человека – героизм?*

Вопрос человеку

Он вернулся в шрамах весь,
с орденом вернулся.
Он – герой. Хвала и честь,
что сумел всё перенести,
в битвах не согнулся.

Много он врагов побил
за границей где-то,
Коиx саблею рубил,
коиx из фузеи бил,
коиx из мушкета.

Подводя войны итог,
земляки с ним пили,
поздравляли кто как мог,
пару новеньких сапог
в складчину купили.

Землякам не повезло,
как же им гордиться:
десять лет уже прошло,
как ославила село
пошлая девица.

Ни за что их подвела
(чтоб ей пусто было!).

Как посмела, как могла —
в девках сына родила
и одна растила.

С ним изведала всего:
горя, униженья...
И к сапожнику его
отпустила одного,
отдала в ученье.

Далеко сынок, а мать,
чтоб унять тревогу,
чтоб сыночка повидать,
наставлений кучу дать,
собралась в дорогу.

Из-за облачной гряды
бьют лучи косые.
Пенье птиц на все лады.
И печатают следы
пяточки босые.

Рядом — след больших сапог,
что герой оставил.
Прямо он идти не мог
и следы нетрезвых ног
на кабак направил.

В кабаке оставит он
сапоги и орден.
Кто полезет на рожон,
будет сразу же сражён
кулаком по морде.

Ходко грешница идёт
длинною дорожкой.
Хоть под ложечкой сосёт,
голод терпит и несёт
узелок с картошкой.

Кислый щавель перебьёт
пустоту в желудке.
А сыночек всё поймёт
и, как только подрастёт,
милой матушке сошьёт
новые обутки.

* * *

Мячик свечкой ушёл в высоту,
и бегут, догоняют друг друга

ребятишки, играя в лапту
в шумном сквере за Домом досуга.

Рядом – мрамор пригрела весна,
тополя, как в поклоне, согнулись.
Этот мрамор хранит имена
тех солдат, что с войны не вернулись,

полегли, но я вижу порой,
как они все стоят у ограды
и любят детскую игру,
и весеннему солнышку рады.

* * *

Написать не смог сонет,
не постиг, кто он – Вампилов.
Может, слов мне не хватило,
может, попросту их нет.

А талант его велик,
и сегодня в целом мире
знают все, что здесь, в Сибири,
есть посёлок Кутулик.

В чём вся суть и в чём успех,
не могу никак постигнуть,
что могло его подвигнуть,
как взлетел он выше всех.

Откровенным в пьесах был,
разглядел он очень рано
в наших душах боль и раны –
души пьесами лечил.

Я читаю пьесы те,
в чём секрет такого роста?
Всё так точно, всё так просто.
Может, дело в простоте?

Видно, я не тот поэт,
кто силён в драматургии.
Пусть попробуют другие
написать ему сонет.

ЛЮДМИЛЕ

Я вспоминаю до сих пор
быль-небыль эту.
Июльский день, иркутский двор

и сигарету.

Изящно пальчиком своим
ты сбила пепел.
И как же близко мы стоим!
А день как светел!

Я молча на дымок гляжу
и в нём витаю.
Ну почему я не скажу,
о чём мечтаю?

Врата мечтаю распахнуть
земного рая,
чтоб словно факел полыхнуть,
в любви сгорая,

чтоб смерть пришла, косою звеня:
«Ты где, придурок?»,
а там остался от меня
один окурок.

ЗИМУШКА-ЗИМА

Снова белый и пушистый
снег летит с небес
на волшебнo-серебристый
новогодний лес.

Тихо кружатся снежинки,
ведут хоровод
на просторах Заларинки,
спрятанной под лёд.

Скрыли белые ушанки
серый шифер крыш.
Скоро след оставят санки,
будет след от лыж.

Снег засыпал все ограды –
только убирай!
Но крестьяне снегу рады:
будет урожай.

И крестьянин, торжествуя,
обновляет путь
(на уазике буксуя
в поле где-нибудь).

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Пью уж три недели я,
и опять спохмелия.
И опять у Нели я:
 «Похмели, подай!

Пока мужа нетути,
для меня, для непути,
утонувшей в вермуте,
 Неля, погадай!

Что опять затею я?
Что? Разбогатею я?
Завязать сумею я?
 Изменить судьбу?
Снова врѣшь, мне кажется,
Снова нить не свяжется,
снова пьянка скажется
 на моём горбу.

Знаю изначально я:
мне судьба печальная,
мне дорога дальняя
 и казѣнный дом.
Жизнь моя мгновение,
ветра дуновение,
а потом забвение
 всѣ покроет льдом».

* * *

Потряс меня мудрец советом «новым»,
сказал, чтоб передал я и другим,
Что лучше уж быть бедным, но здоровым,
что хуже быть богатым, но больным.

Не следуя советам тем бредовым,
давно живу по принципам иным:
уж лучше быть богатым, но здоровым,
гораздо хуже – бедным, но больным.

НЕБО МОЕЙ РОДИНЫ

Дуют ветры вольные,
лес шумит осинами,
нивы, степь просторная
западных бурят.
Здесь зовѣтся тенгрием
купол неба синего,
где сияет солнышко
и орлы парят.

Побывал я в Латвии,
послужил в Монголии,
мёрз в осеннем Питере
в лёгоньком пальто,
был на юге солнечном,
где тепла поболее.
Вроде то же небо там,
да совсем не то.

Небо моей родины
я с чужим не спутаю
и скажу уверенно
на весь белый свет:
с каждым годом прожитым,
с каждою минутою
крепче убеждаюсь я:
краше неба нет.

* * *

Казалось, всё затмит война,
но ясно в памяти остались
гармонь, лужайка, три бревна,
где мы встречались и влюблялись.

Да, потрепала жизнь меня,
дыханье смерти мне знакомо.
Бывало, сяду у огня
и представляю, что я дома.

Закрыв глаза – исчез огонь,
и всякий раз одно и то же:
кадриль танцуем под гармонь,
и ребятишки – кто что может.

Вот это были вечера!
Я мирно сплю и сердцем чую,
что хватит спать, в поход пора,
а сам танцую и танцую.

Когда вернулся я с войны
и наслаждался тишиною,
пришли ко мне другие сны –
всё то, что связано с войною.

И лишь закрою я глаза,
картину вижу боевую.
Но я за мир! За мир я! За!
А сам воюю и воюю...

МОРЕМАН

Если спросят – не отвечу,
выйду молча на причал.
Я сегодня утро встречу,
как ни разу не встречал.

Будет всё как изначально –
флаг увижу в вышине:
синий крест диагонально
лёг на белом полотне.

Если спросят – не отвечу,
что хожу я взад-вперёд.
В светлых мыслях не замечу,
как сегодня день пройдёт.

И уйду домой печально,
и опять приснится мне:
синий крест диагонально
лёг на белом полотне.

СВЕТЛАНЕ

Стужа. Мгла морозная.
Небо – карта звёздная.
Проза бытия:
Наверху – Медведица,
снизу – гололедица,
посредине – я.

И над бездной стылою
между мной и милою
видимая нить.
Телефон без провода,
я звоню без повода –
лишь бы позвонить.

Разговор не вяжется,
нитка рвётся, кажется –
чересчур тонка.
И тоской чугуною
мою ночку лунную
скрыли облака.

* * *

Две сестрички-ольхи
Ветками колышут.
Я присяду в тени,
Огляжусь вокруг.
В лёгком шуме лесном
Я стихи услышу,
Я услышу стихи
В пении пичуг.

Дятел вставит в строку
И тире и точки.
А на крыльях ветров
В синеве небес
Поплывут облаков
Белые листочки.
Что на них написать,
Мне подскажет лес.

И растает в душе
Ледяная глыба,
И на облаке я
Веточкой ольхи
Начертаю слова:
«Край родной, спасибо,
Что мне хочется жить
И писать стихи».

УТРО НАД ТУРОНОМ

Посмотри, какой восход!
Освещая землю сонно,
Из-за древнего Турона
Солнце медленно встаёт.

Разрезает небосвод
Чёткий след от самолёта,
Будто белым мелом кто-то
Прочертил его полёт.

Как дыханием веков
Ветер тихо тронет ветки.
И в малиновой подсветке
Бригантины облаков.

С гор глядишь на запад вдаль:
там – волшебные картины,
Там саянские вершины,
Словно розовый хрусталь.

Рядом, кажется, они,
Можно даже дотянуться

И легонько прикоснуться –
только руку протяни.

ВКУС ОГУРЦОВ

Детский сон окутан утреннею негой.
Мама разбудила в шесть часов утра:
«Всё, сыночек, хватит по деревне бегать,
Время сенокоса – помогать пора».

Для деревни лето – время заготовки,
Не на день готовишь, а на целый год.
Мы идём в распадок, на плечах литовки,
Сзади младший братик налегке идёт.

Травы осыпают сапоги росой,
Рядом лес сосновый, вдалеке село.
Вроде бы не сложно справиться с косою,
Но впервые это очень тяжело.

То срубаю кочку, то врубаюсь в яму,
Но литовку твёрдо, как отец, держу.
Если постарюсь, обгоню я маму,
А потом и папе спину покажу.

И сидит братишка на моём прокосе,
Пусть сидит, играет – он ещё малыш.
Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались, отдохнуть бы надо,
Мухи надоели, солнце высоко.
Вот идём мы к лесу, дышит лес прохладой,
Хоть и тяжесть в теле, на душе легко.

И легла, как скатерть, белая газета,
На газете хлеба белый каравай,
Зелень с огорода – угощение лета,
В банке простокваша и в бутылке чай.

Стол нам – пень сосновый,
стулья нам – коряги.
Сели рядом мама, братик и отец.
Под улыбку мамы, с видом работяги
Ел я самый вкусный в жизни огурец.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не был я в этом месте давненько,

Сразу вспомнилось детство моё.
Здесь когда-то была деревенька,
Сорок лет уж как нету её.

И кому ж она так помешала,
Что её приказали снести?
А таких деревенок немало
Растеряла Россия в пути.

И хотя был народ недоволен,
Целый мир безвозвратно исчез.
Только ветер гуляет на воле,
Только глухо волнуется лес...

УНГИНСКИЙ КРАЙ

Для меня он лучший в мире,
Уголок моей Сибири,
Где среди великих рек, среди тайги,
Лесостепь пересекая,
Птиц и небо отражая,
Серебрятся воды маленькой Унги.

Когда первый свет Авроры
Освещает степи, горы,
Лес на склонах от подножий до вершин, –
Над рекою шепчут ивы
С детства милые мотивы,
Что когда-то им напел улигершин.

Слышу песни улигера,
В них про подвиги Гэсэра,
В них история бурят и их земли.
Дни тянулись, мчались годы,
Шли и шли сюда народы
И с собою песни новые несли.

Все народы разной веры
Приняла земля Гэсэра,
И Унгинский край им родиною стал.
Каждый жил с другими дружно,
А когда бывало нужно,
Меч защитника из ножен вынимал.

Я хотел бы помнить вечно
С благодарностью сердечной
Про своих живых и павших земляков,
Как в тяжёлую годину
От Москвы и до Берлина
Шли железные полки сибиряков.

Пусть покой нам только снится,
Пусть пшеница колосится,
Пусть грохочет камнем гипсовый карьер...
И на стройках, фермах, пашнях,
На лугах привольных наших
Мы напишем современный улигер.

КОНИ

Вывесил знамёна
Праздничный Татхал.
Жителей района
Ипподром собрал.

Вот команда с пульта —
Старт коней лихих.
Словно катапульта
Выбросила их!

Всё кругом ликует.
Кони, ваш полёт
Каждого волнует,
За душу берёт.

И не может зритель
Вас понять сейчас:
Как же вы летите,
Крылья где у вас?

Можно догадаться
Только по пыли,
Что слегка касаться
Вы могли земли.

* * *

Конь красив и статен.
Это, кстати, знал
Тот, кто много статуй
В бронзе отливал.

Деятель и воин,
Облачённый в медь,
Каждый ли достоин
На коне сидеть?

Может, переплавить,
Если портит вид?
А коня оставить,
Конь пускай стоит.

КАРТОШКА

Эй, быстрее копай картошку!
Что-то небо потемнело,
Даже солнышка не видно,
В серых сумерках дома.
Семь рядков ещё осталось,
Поскорей бы кончить дело.
А картошка уродилась –
Будет сытая зима.

Мы успели! Мы успели!
Дождь идёт, всё небо в дырах,
А картошка-то в подполье.
Мы сегодня молодцы!
И сейчас её наварим,
Как положено – в мундирах.
Будут грузди со сметаной,
В пупырышках огурцы.

За окошком непогода,
За окошком дождь осенний,
А мы будем спать спокойно,
Сны хорошие придут.
Но сначала – славный ужин.
Вам такого объеденья
Даже в лучшем ресторане
Ни за что не подадут.

ЗАЛАРИНКА

То лениво замирает,
То стремительно бежит,
То преграды огибает,
То воронками кружит,
Поднимая муть суглинка,
Чернозёма и песка, –
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Выходного дня в начале
Я опять приду сюда
И забуду все печали –
Пусть уносит их вода.
Поведёт меня тропинка
Вдоль крутого бережка.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Неизменна год от года
Сельской жизни простота –
Ребятишкам здесь свобода
И раздолье для скота.
Гонит мальчик хворостинкой
К броду пёстрога быка.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Вот рыбак – гроза сорожки
На бревне, как на скамье.
Значит, будет ужин кошке
Или даже всей семье.
А сорожка серой спинкой
Дразнит, дразнит рыбака.
Заларинка, Заларинка,
Невеликая река.

Я смотрю на птичью стаю,
Мысли где-то далеко,
О несбыточном мечтаю,
И рождается легко
Новой строчки половинка.
Или целая строка?
Подскажи мне, Заларинка,
Невеликая река.

* * *

Давно собрали урожай
И на полях, и в огородах.
К зиме готовится мой край,
К зиме готовится природа.

Вот туча мрачная плывёт
И краем солнце закрывает.
Она, я думал, дождь несёт,
А над посёлком снег летает!

Хотя давно пора домой,
Я постою ещё немножко.
Кружат снежинки надо мной,
Сядятся тихо на ладошку...

ГОЛУБИЦА

*Нет, нету на свете ягоды
нежней и слаще голубицы...*

В. Распутин

Я не сплю, а сон мне снится,
Будто я в родном лесу.
Детство. Солнце. Голубица.
Сок из ягоды сочится:
В кружке я её несю.

Сковырнул немного серы,
Перелез через завал
И сатиновые шкеры
Производства тёти Веры
На коленке разорвал.

О валежину запнулся,
Кружку чуть не обронил,
Потоптался, отряхнулся –
И назад домой вернулся
В пятнах ягодных чернил.

С этой ягодой лесною
попрощаюсь я во сне.
Позапрошлою весною
лес родной сгорел со мною,
всё сгорело по весне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БААТОРА

Бей, шаман, бей, шаман,
В свой старинный гулкий бубен!
Пусть гудит он, как степь
Под копытами коня.
Ты, шаман, мне сказал –
Путь из дома будет труден,
Но дорога домой
Будет лёгкой для меня.

Отчий край, по тебе
Тосковал я на чужбине,
Возвращаюсь домой –
Сердце рвётся из груди.
Чует верный мой конь,
Что мы с ним в родной долине,
И как птица летит
К светлой дымке впереди.

Я душой был всегда,
Моя родина, с тобою.
Вот уже вдалеке
Юрты белые видны
И родная Унга
Вьётся лентой голубою,
Как хадак на руках

У любимой Дангины.

* * *

– Кому нужны стихи сейчас,
Когда пришли мы к Интернету?
– Да, всё меняется у нас,
А вот стихам замены нету.

– Кому сейчас стихи нужны?
Дела найдутся поважнее.
– Стихи нужны для всей страны.
Пусть расцветают вместе с нею.

– Кому сейчас нужны стихи?
Уж лучше б денег было много.
– Когда мы слепы и глухи,
Стихи нужней. И вера в Бога.

– Стихи сейчас нужны кому?
Тому, кто бредит прошлым веком?
– Стихи нужны тебе, ему,
Всем, кто зовётся Человеком.

ОТСТАВШИЙ ГУСЬ

Он низко-низко пролетел,
Пронзительно кричал.
Осенний луг росой блестел
И гуся привечал.

Не опустился гусь на луг,
Рванулся ввысь опять,
Чтоб улетающих на юг
Сородичей догнать.

Мои сородичи уже
Влетели в новый век,
А я сижу на рубеже,
Отсталый человек.

Отстал, а всё-таки я рад,
В век новый не хочу.
Пусть все летят куда хотят,
А я не полечу.

Пусть буду снегом погребён.
Мне юг не по нутру.
В двадцатом веке я рождён –
В двадцатом и умру.

Сложу покорно два крыла
И навсегда уйду
В Россию ту, что умерла
В семнадцатом году.

ЛЮБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ

В преддверье непогоды,
Когда мороз крепчал,
Любителя природы
В лесу я повстречал.

Он разговор заводит,
Что любит лес до слёз.
И тут на нас выходит
Семейка диких коз.

До выстрела дуплетом
Он мне сказать успел,
Коль был бы он поэтом,
Природу бы воспел.

Бежит, отбросив водку,
Забыв ружьё в лозе,
Перерезает глотку
Подстреленной козе.

Вот так писал он оду
Своим ножом в крови.
Избави, Бог, природу
От этакой любви.

ЗАБЫТЫЕ ДЕРЕВНИ

Деревеньки вы мои – неухоженны.
В окнах взгляды стариков настороженны.
Крик вороний, лай собак,
Покосившийся чердак,
И подворья кое-как
Огорожены.

Опустевшие домишки заброшены,
Белой плесенью в углах запорошены.
Полуржавые крюки,
Поистлевшие мешки,
И дверные косяки
Перекошены.

Проезжая жалкий край запустения,

То ль во сне, то ль наяву вижу тени я:
Так уходят навсегда
Старосельские года –
Символ тяжкого труда
И терпения.

* * *

Белый месяц, белый круг
Вокруг месяца.
Скоро ль белая зима
Перебесится?

Поднимусь с постели я,
С белой простыни.
И окошко, и виски
В белой проседи.

За окошком мир объят
Белой негою.
А по белым по снегам
Парни бегают.

Из-за белого цветка
С белой завязью
Погляжу вослед парням
С белой завистью.

ПОЛЯНА

Здравствуй, милая поляна
В зареве жарков!
Я вернулся из тумана
Тысячи веков.

Хватит мне топтать дорогу.
Сяду посижу.
Это место ближе к Богу –
Душу освежу.

Ветер мысли навевает,
И цветок живой
Понимающе кивает
Рыжей головой.

БРОШЕННЫЙ

Осень. Поздним вечером
На скамью у домика

Сел старик, задумчиво
Голову склонив,
А в руках натруженных
Шуйская гармоника
Завела тихонечко
Памятный мотив.

И в зарю вечернюю
Уплывает музыка
Прямо над теплицами
Опустевших дач.
Попиликай тоненько,
Добрая гармоника,
Побеседуй с дедушкой,
Вместе с ним поплачь.

ВЕРА

Как трудно мне поверить в Бога,
Всего себя Ему отдать.
Ведёт меня к Нему дорога,
Конца которой не видать.

Но вся ли вера на иконах,
На куполах и на крестах,
В молитвах, в колокольных звонах,
В трёх вместе сложенных перстах?

И знаков, и знамений много,
Как много штампов и клише.
А я хотел бы верить в Бога,
Чтоб был Он у меня в душе.

А МОЖЕТ БЫТЬ...

Мудрец греховное забыл,
Был чист и непорочен.
Конечно же, он умным был,
А может быть, не очень.

Сидел он как-то дотемна
И вычислил случайно:
У женщин тайна есть одна,
А может быть, не тайна.

Как вертят нами, всё узнал –
От флирта до интриги.
И всё на стенке записал,
А может быть, и в книге.

Не знаю я, где та стена,
Не ездил я по свету.
Я только знаю – есть она.
А может быть, и нету.

Но раз стены и книги нет,
Кто тайну ту откроет?
Ведь стоит нам раскрыть секрет...
А может быть, не стоит?

ПЕСНЯ КОСОВСКОЙ СЛАВЯНКИ

Моя милая сторонка
Как лебедушка плыла,
Только вдруг над горизонтом
Распластались два крыла.

Испытанье Бог готовит:
В земли косовских славян
Прилетел на запах крови
Алчный падальщик орлан.

Злая туча над простором,
Над лебедушкой гроза,
А двуглавый чёрный ворон
Хочет выклевывать глаза.

Но пускай запомнят янки,
Если мира не хотят:
Мы, свободные славянки,
Сербских пестуем орлят.

И орлята скажут грозно:
«Если наш народ живёт,
Значит, рано или поздно
Лебедь снова поплывёт».

Февраль 2008 г.

ГАЛИНЕ

Ты шла тропой весеннею
и шурилась слегка.
Играли светотению
на небе облака.

Ты и сама лучистая,
по ангельски легка,
свободная и чистая,
как в небе облака.

Смотрю на светлоокую
и, для меня пока,
далёкую-далёкую,
как в небе облака.

ПЛАЧ КРЕСТЬЯНКИ

Думы-думушки
всё печальнее.
Ой, пойду, схожу
в поле дальше.

Моя матушка
жала поле то,
потом матушки
поле полито.

Я на тракторе
там работала.
Я не хвастаюсь,
Я не ботало.

А иду туда
я в последний раз.
Слёзы горькие
попились из глаз:

– Здравствуй, полюшко,
здравствуй, милое.
Наконец тебя
посетила я.

Я к тебе пришла,
моё полюшко,
разделить с тобой
моё горюшко.

Мы всегда с тобой
Были дружные.
Никому теперь
мы не нужные.

Ты стоишь теперь
позаброшено,
и межа твоя
не окошена.

Да и я сама
вся в смятении –
всё село моё
в запустении.

Нет ни трактора,
ни комбайна,
ни работника,
ни хозяина.

Мужики сейчас
от безделия
то в подпитии,
то с похмелья.

И несут они,
сев на пряслину,
то соромщину,
то напраслину.

Душу продали,
совесть пропили.
И растёт полынь
в поле, во поле.

БРОДЯГА

Солнца утреннего свет
Шлёт мне пламенный привет,
И скрипят мои штиблеты,
И конца дороги нет,

И мелькает взад-вперёд
Проезжающий народ.
Только я один шагаю,
И улыбка во весь рот.

Эх, прощай, моя тоска!
Грусть-печаль моя, пока!
Вижу, кто-то, проезжая,
Крутит пальцем у виска.

А дорога хороша,
Если ходишь не спеша,
Если в думах сокровенных
Успокоилась душа.

ВЕСНА И ОСЕНЬ

На ложечку радости –
Бочка печали.
На узкой тропе,
Что бежит за оградами,
Опять мы случайно

С тобой повстречались,
Пройдя, оглянулись
И встретились взглядами.

Весенняя свежесть
Цветущего сада
В глазах твоих ясных,
Моя чернобровая,
А взгляд мой сейчас
Как канун листопада,
Когда впереди
Только осень суровая.

Но встречи жестоки
В своём постоянстве,
В своей безысходности,
В тяжести бремени.
Прекрасно,
Что мы повстречались в пространстве.
Ужасно,
Что мы разминулись во времени.

* * *

Людмиле Беляковой

Сижу я и книгу листаю,
Хороших поэтов читаю,
Того и гляди что растаю
От лирики разных времён.
А лира выводит мотивы,
Я слышу мелодий разливы.
Стихи так стройны и красивы,
Как ровный английский газон.

А сам я с душой наизнанку
Растил не газон, а полянку,
Не лиру держа, а тальянку –
Певунью российской земли.
Цветут на поляночке дикой
Стихи красоты невеликой,
Ошибки растут повиликой,
И ляпов торчат будыли.

Мой стиль иногда необычен,
Мой стих иногда непривычен.
Редактором весь «заковычен»
(Редактора можно понять).
Но я повторять не устану,
Что милую сердцу поляну
В угоду эстетам не стану

Газонокосилкой ровнять.

СЕВЕРОМУЙСКИЙ ВЕЧЕР

Мой милый край, мой край безбрежный,
Ты и суровый край, и нежный,
Зелёный край и белоснежный,
Храни, Господь, тебя, храни.
...Последний свет с зарёю тает,
На рельсах звёздочка мигает,
И вечер тихо зажигает
Северомуйские огни.

У нас свой мир на самом деле –
Своя жара, свои метели,
Свой даже свет в конце тоннеля.
Не веришь – приезжай, взгляни.
А вечер всё темней и глуше,
Лишь стук колёс покой нарушит,
И снова тронут наши души
Северомуйские огни.

ПАМЯТИ БРАТА

Как быстро дневные часы пролетают!
Взошла луна.
Луна эта – все почему-то считают –
На всех одна.
Невинную ложь мы придумали сами,
Скажу вам я.
Луна, что ты видишь своими глазами,
Твоя.

Посёлок уснул, даже речка уснула.
Темным-темно.
Луна любопытная вдруг заглянула
В моё окно.
А в спальне своей моя мама вздыхает,
И свет погас.
Ну где же душа твоя, мама, летает
Сейчас?

Кому тяжелее сейчас во вселенной,
Скажи, кому?
И я уйду сквозь кирпичные стены
В ночную тьму.
Лечу над землёю к луне моей ближе,

В объятья звёзд.
Потом, оглянувшись, я с трепетом вижу
Погост.

Кресты и оградки, цветы и могилки –
Приют веков.
У свежих могилок пустые бутылки
В тени венков.
Там маму я вижу, идущей печально
Среди оград,
И смотрит на маму с эмали овальной
Мой брат.

И тихо в такой же глубокой печали
Идут за ней
Несчастные матери, что потеряли
Своих детей.
И чтобы не видеть фигур этих горьких
В немой тоске,
По лунному блику скачусь, как по горке,
К реке.

Мне душно, мне муторно, плохо, но только
К воде прильну,
Как волны поделят на равные дольки
Мою луну,
По волнам запляшут, запрыгают свечки
Далёких звёзд.
...Ночами солёные волны у речки
От слёз.

ВСПОМИНАЯ ПРАЗДНИК

Уж пятый месяц пролетел,
Как этот праздник отшумел,
Лист тополиный пожелтел.
Но почему, не знаю,
Когда сквозь ветер и дожди
Зима маячит впереди
Да грусть осенняя в груди,
Я возвращаюсь к маю.

И ясно вижу тот момент
Среди цветов и алых лент,
Наш поселковый монумент
И ветеранов рядом.
Вот грянул праздничный салют,
И ветераны все встают,
И честь погибшим отдают,
И смотрят гордым взглядом.

Вот патриотов юных ряд
Проводит праздничный парад.
Вот ветераны говорят,
О прошлом вспоминают.
Блестит на солнце седина,
Блестят на солнце ордена.
И весь народ, и вся страна
Здоровья им желают.

И деньги, может быть, дадут
(те деньги внуки отберут),
И фронтовых сто грамм нальют,
И поздравлять их будут.
Но быстро торжество пройдёт.
Как ветеран потом живёт?
Скорей всего, на целый год
О нём опять забудут.

И будет он один сидеть,
На голубой экран глядеть,
Там голубые будут петь
Про что-то голубое.
Там будут перхотью страшать,
Златые горы обещать,
Дадут совет, как отощать,
Гордиться как собою.

А может, кто-нибудь зайдёт
Узнать, как он один живёт,
Подарок, может, принесёт –
Бывает и такое.
Он будет ночью вспоминать
Про годы юности, про мать
И про оставшихся лежать
Друзей на поле боя.

...А май разбросил краски дня,
Смеётся громко ребяшня,
Но грусть на сердце у меня
В день праздничный, весенний.
И свежий ветер с дальних гор
Российский треплет триколор.
В толпе неспешный разговор
Да море поздравлений.

Я слышу, люди говорят,
Что стало меньше тех солдат,
Что с каждым годом реже ряд,
Что нет уже того-то.
Стоит, молчит солдатский строй,
Как перед схваткой боевой,
А годы по шеренге той

Строчат из пулемёта...

* * *

Подрисуй себе глаза,
Брови, словно крылья птицы,
Удлини свои ресницы.
Я не против и не за.

Но скажу – в который раз! –
Сила вся твоя не в этом,
А в том выстреле дуплетом
Из твоих лукавых глаз.

ВЕЩЕЙ КАМЕНЬ

Над дорогою ночью
Тьма, кромешная до жути.
Вдруг он вырос предо мною –
Камень вещей на распустье.

Там, на камне, – ворон-птица.
Буквы светятся зловеще.
И лежит он, как граница,
На распустье, камень вещей.

Но шагну за эту грань я,
Не читая, что на камне.
Там на камне – предсказанья,
Не нужны они пока мне.

Я не верил никогда им,
И вы тоже им не верьте.
Лучше жить, когда мечтаем
И не знаем дату смерти.

МОНГОЛИЯ

Сердце вспомнит, замирая,
Край, которому нет края.

Край, где я познал когда-то
Рабский труд солдат стройбата.

Как живёшь под новым небом,
Край, где сорок лет я не был?

Ты мне – родина вторая,
Край, которому нет края.

РУСЬ-ТРОЙКА

Через весь земной простор,
Через степи, цепи гор,
Мимо рек, полей пшеницы
Три коня летят как птицы,
Напрямик во весь опор.

В сбруе мчат недорогой:
Не нашлось, видать, другой.
Ну а кони так красивы!
Встречный ветер треплет гривы,
Шеи выгнуты дугой.

И летят они вперёд,
И ничто их не берёт.
Эта тройка – символ силы,
Трудовая мощь России,
Трудовой её народ.

Тянет тройка тарантас,
В тарантасе много нас:
Старики, бомжи, больные,
Безработные, блатные,
Предприимчивый Кавказ.

Впереди ямщик сидит,
Через шоры вдаль глядит,
Сам, куда не зная, едет,
Уверяет, что к победе,
А над кем – не говорит.

И везёт, везёт свою
Преогромную семью.
Переполнен тарантас-то.
Там я в качестве балласта
Примостился на краю.

И никак не разберусь,
Чем, за что и как держусь.
Повстречался нам дорогой
Николай Васильич Гоголь:
«Ты куда несёшься, Русь?»

Ой, Васильич, отвяжись,
Ты уж спрашивал, кажись.
Мы ж, в какие мчимся дали,
До сих пор не разгадали.
Н-н-но, залётные! Держись!

МОЙ ВЫБОР

Имя как символ страны выбирается,
И гордостью сердце моё загорается
При виде таких величин.

А символы, гении все, разноликие –
Герои, таланты, святые, великие –
С заоблачных смотрят вершин.

А я бы простого хотел, приземлённого,
Чтоб был он нам свежестью леса зелёного,
Был далью бескрайних равнин,

Был горькой полынью, былиночкой мятною,
Был песней народной с тоской непонятною,
Был гроздьями красных калин.

И вдруг в голове из тумана крошечного
Рождается символ родного и грешного,
Рождается образ один:

В простецкой рубахе, без лоска столичного,
На пыльном просёлке у поля пшеничного
Сидит босоногий Шукшин.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Как на Русском Севере,
На земле намоленной,
Как у чистой реченьки
В обрамленье ив,
Сидя возле лодочки,
Новой, неосмоленной,
Пел Боян о Родине,
Пел на свой мотив.

О Великой Родине
И о тихой родине,
Про судьбу матросскую,
Про любовь и честь.
От пушинки-облачка
До гнилой колодины –
Всё, что сердцу дорого,
В этих песнях есть.

В них души спокойствие,
В них души метание,
Чистота небесная
И густой туман.

В этих песнях искренних,
Тихих, как мечтание,
Спрятан неразбуженный
Пламенный вулкан.

Мир в потоке будничном.
Вырвусь из потока я
И душою в чистую
Речку окунусь.
...Жизнь твоя нелёгкая,
Смерть твоя жестокая,
Песни твои вечные,
Как Святая Русь.

ЖАЖДА

Я уже вне времени...
Солнце надо мной.
И стучит по темени
Молоточком зной.

Лишь трава незрячая –
Высохший ковыль,
И, как печь, горячая
На дороге пыль.

Камни раскалённые,
Тени нет нигде.
Мысли воспалённые
Только о воде.

Слышу, будто кружится
И журчит поток,
Но нигде ни лужицы –
Даже на глоток.

Мне б дойти до дому, там
С радостью в душе,
Как в пучине омота,
Утону в ковше.

МАЛЬЧИК С СИНДРОМОМ ДАУНА

Мальчик с доброю улыбкой
Подошёл, стоит над зыбкой
И игрушечною рыбкой,
Стал малышку развлекать.
Мать малышки, словно кречет,
Налетела – рвёт и мечет:
– Он ребенка покалечит,

Что с такого можно взять?

Да, такой он. Ну и что же?
Унижать больных негоже,
И обидеть он не может –
Умный может обижать.
Сколько всяких умных было:
Ирод, Дракула, Атилла,
Гитлер, Браун, Чикатило...
Дальше список продолжать?

«Дети Дауна» иные,
Чужды им грехи земные,
Люди все для них родные –
От детей до стариков.
Люди, люди... Успокойтесь,
Их улыбки удойтесь
И, пожалуйста, не бойтесь.
Бойтесь умных дураков.

ЗВОННИЦА

Песни звонница поёт
Колокольные,
Звон малиновый плывёт
В степи вольные.

А в степи село, река
Вьётся около.
Ела поедом тоска
Парня-сокола.

Не найдёт его душа
Слово нужное.
А соседка хороша!
Да замужняя.

Поняла его она
По глазам уже,
Говорит: – Я не вольна,
Я ведь замужем.

Постояли, разошлись
В разны стороны,
Сразу слухи понеслись,
Словно вороны.

И преследуют его,
Будто хвост они.
Побежал он от всего

К дальней расстани.

Всё равно куда идти
Парню бравому –
Хоть по левому пути,
Хоть по правому.

А тоска не отстаёт,
Сзади гонится,
Грустно вслед ему поёт
Песни звонница.

СМЕРТЬ ДРУГА

Он другом мне был. Таковым и остался.
Всегда мужиком настоящим считался.
Конечно, нелепо он с жизнью расстался,
Хотя в передрягах бывал невредим.
Он жил как умел, никому не мешая,
Порою ошибки, как все, совершая.
Ведь ссора с семьёю – ошибка большая.
Его не сужу да не буду судим.

Он в кресле уснул, что за шторой стояло.
Морозным туманом весь Рудник объяло,
Но солнце уже над Туроном сияло.
Пора бы вставать, а он спит всё равно.
Хозяйка-зима в палисад заходила,
Наличники свежим снежком нарядила.
Напрасно она его утром будила
И веткой рябины стучала в окно.

* * *

Мне сказал святой отец,
что пройдут года –
мы дождёмся наконец
страшного суда.

Я живу который год,
как и все, греша,
но надеждою живёт
грешная душа.

Будут души без телес
у людей Земли,
чтоб поганить реки, лес
больше не могли.

Вся природа оживёт,
только без людей,
и к Байкальску приплывёт

стая лебедей.

Рай – зелёная листва,
воды чистых рек,
все живые существа
минус человек.

* * *

Сияют в небе звёзды и планеты.
Мне почему-то верилось всегда,
Что это светят русские поэты.
И Пушкин там – Полярная звезда.

Я сам примерил звание поэта
На перекрёстках Млечного Пути
И звёздочкой своей сияю где-то.
Вам трудно эту звёздочку найти.

И сам себя я спрашиваю: «Старче,
Кто видит твою позднюю звезду?»
Но, может, я смогу гореть поярче?
А может, в неизвестность упаду,

Мелькну как искра, сгину как виденье –
И не слышать меня и не видеть,
Зато во время моего паденья
Вы можете желанье загадать.

КАК В СЕЛЕ БЕЗ ГАРМОНИСТА?

Вечер был морозный, лунный.
Дед Антип залез на печь.
И оттуда, как с трибуны,
Произнёс такую речь:

«Как в селе без гармониста?
С гармонистом веселей.
Или как без тракториста –
Капитана всех полей?»

Печку сам себе не сложишь.
Как в селе без печника?
И, бывает, занеможешь –
Нужен врач наверняка.

А подкову где закажешь?
Как в селе без кузнеца?
Что касается продажи –

Тут нельзя без продавца.

Нужен умный участковый,
Чтобы вор к вам не залез.
Дом задумал ставить новый –
Плотник нужен позарез.

Нужно, чтоб пастух нашёлся:
Как в селе без пастуха?
...И поэт у нас завёлся,
Мастер складного стиха.

Выйдет в поле, бродит, бродит,
Смотрит, смотрит в облака.
И при деле тоже, вроде, –
Как в селе без дурака?»

ПЛЯСУН

Время праздника пришло,
Пляшет, пляшет всё село.
Не умею дробы бить,
Но охота лучшим быть.

Как пошёл плясать впрысядку,
Вся изба дала усадку.
А как задал трепака,
Прыгал стол до потолка.

От моих-то от коленцев
Разлетелись вёдра в сенцах.
От моей-то от чечётки
Половицы – как решётки.

От моей-то чеботухи
Закрестились старухи.
Я и лучше сдробочу,
Если горло промочу.

Я и лучше отчебучу.
Вы чего подняли бучу.
Не держите вы меня,
не вяжите вы меня,

Я отныне – Петипа,
Некультурная толпа.

* * *

Вы только поглядите –

Вон парочка стоит
У нас на Рудник-сити,
На главной Ленин-стрит.

Она стройна, как скрипка,
А он – как контрабас.
И юная улыбка.
Такой вот расколбас.

Живут они нехило,
Живут они легко,
В одной руке мобила,
В другой руке – пиво.

Им «шмотки от Версаче»
Таджики привезли
(Юдашкин горько плачет,
И Зайцев на мели).

И гордость душу тронет,
И радостней живёшь
От мысли, что в районе
Крутая молодёжь.

КЕРЖАК И ЧАЛДОН

Я кержак, а он чалдон.
Мы друзья обои с ём.
То по-дружному живём,
То по-всякому.
Мы как бражку сотворим,
То малёхо задурим,
Но сперва всегда погрим,
Побалакаем.

«У тебя, – я грю, – жана
Ни гуранка ни хрена,
Не семейская она,
А притворщица».
А он грит: «Ты, паря, чо?
Обижашь её почо?»
Да толкат меня в плечо,
Да топоршится.

«А твоя-то, – грит, – мабуть,
Не яшашная ничуть,
Хоть монисты на всю грудь,
Как у Брежнева».
Я давай зубам скрипеть,
Нету моченьки терпеть,
И сцепились мы опеть,

Пушке преждева.

Утром он спохмелья встал
И попёрся на Байкал,
А меня с собой не взял
В Голоусная...
Чо он в бабах понимает?
Рыбу в озере имат.
Нончи рыба тама, грят,
Шибко вкусная.

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Шапку-невидимку
Дед Антип нашёл,
В шапке-невидимке
В магазин зашёл,

Целый ящик водки
Незаметно взял,
Дома осторожно
Влез на сеновал.

Только начал тихо
Водку в стопку лить,
Слышит крик старухи:
«Сколько можно пить?!»

Вот слезает тихо
С лестницы Антип,
И бежит старуха
На знакомый скрип

Да с истошным воплем
«Получай же, гад!»
Бьёт, не видя деда,
Просто наугад.

Получил граблями
Дед в который раз,
Хоть и не прицельно,
Точно между глаз.

Вот что значит вредный,
Вечно пьяный дед.
Вот что значит тренировка
Сорок долгих лет.

ЛЕШИЙ

Я не раз в лесу у нас
Видел злого лешего,

Что пугает в поздний час
Конного и пешего.

Уши, будто у осла,
Волосёнки рыжие,
Бородища, как метла,
Нос огромный, как свекла,
И глаза бесстыжие.

Жил за Лысою горой,
Был лесным бродягою
И заваривал порой
Брагу целой флягою

На осиновой коре
Вместе с короедами.
Прятал флягу на горе,
Укрывая пледами.

И внимательно следил
За её брожением.
Только сам почти не пил
По соображениям:

Чтоб циррозом не хворать,
Чтоб не быть лунатиком,
Чтобы в старости не стать
Полным маразматиком.

Но зачем и смысл каков
Брагу ту настаивать? –
Чтобы честных лесников
Постоянно спаивать!

Он всегда сидит тайком,
Ждёт нас за околицей.
Я работал лесником,
Так пришлось уволиться.

В лес уйду, бывало, я
От тепла домашнего
(Голова болит моя
Опосля вчерашнего),

Прислонюсь спиной к сосне.
Тут по следу звереву
Подкрадётся он ко мне
И привяжет к дереву.

И воронку принесёт,
Сбегает за флягою
И поить меня начнёт

Непотребной брагою.

Крикну во всю мощь свою:
«Хватит этой дикости!
На работе я не пью
Окаянной жидкости!»

Хоть кричи, хоть не кричи –
Леший поит брагою,
А не пьёшь – заплучи
По башке корягою.

Так и пью я целый час,
А глаза слипаются.
Вот поэтому у нас
Лесники спиваются.

ПРОСНИСЬ, ТОВАРИЩ СТАЛИН!

Проснись, наш товарищ Сталин,
Вернись к нам, товарищ Сталин.
Приди в этот мир,
Наш главный кумир, –
Народ твой в беде оставлен.

Пришли времена лихие,
Пришла воровская стихия.
Я честно тружусь
И этим горжусь,
А оба соседа какие?

Ворюга сосед мой справа.
И где на него управа?
Он князем сльвёт,
Он князем живёт,
А спирт у него – отравя.

А слева сосед мой спился,
Он с рюмкой в руке родился
И пьёт круглый год.
На что же он пьёт?
Ведь он никогда не трудился.

Тружусь я один, не бастую,
Но против воров протестую.
Кумир наш, приди,
На них погляди
И всех расстреляй подчистую.

Проснулся товарищ Сталин!
Вернулся товарищ Сталин!

И в первый же час
Расстрельный указ
Во все ОВД доставлен.

Конец теперь беспределам,
Займётся милиция делом.
И вот вдоль села
К ворюге пошла
Комиссия по расстрелам.

Ссутулился князь, как кляча,
Встретил комиссию, плача.
«Отмазался» князь:
Выходят, смеясь
И что-то в карманах пряча.

К соседям другим вбежали,
С порога носы зажали
И сразу назад:
«Пока пусть лежат».
Там пьяные все лежали.

Соседей стрелять не стали
И только ко мне пристали.
Тут что-то не то!
Меня-то за что?!
За что же, товарищ Сталин?!

БАНОЧКА РАДОСТИ

Сыро. Небо хмурится.
Я стою на улице.
Я продрог. Озноб по коже.
И ползёт толпа прохожих,
На людей-то не похожих,
А похожих на жуков.
На ползучих, нелетучих,
Разнесчастных, невезучих,
Мокрых, мрачных и колючих
Мурашей и червяков.

Я стою и жду кого-то,
Весь заваленный работой,
Весь раздавленный заботой.
Я такой же, как и все.
Вдруг, вприпрыжку и вприпрыжку –
Только брызги на штанишки! –
Появляется малышка
Ясным лучиком в росе,
Бабочкой, мячиком,
Солнечным зайчиком!

Полюбуйтесь, тёти-дяди:
Я в сестрёнкином наряде,
Губы в маминой помаде,
Только ростиком мала.
И она у магазина,
Там, где с мусором корзина
И заплакана витрина,
В луже баночку нашла.

Яркую, красную,
Рас-пре-красную,
Нарисован сбоку мишка,
Замечательная крышка.
И счастливая малышка
С этой баночкой в руке
Закружилась и запела
Ни на русском,
Ни французском,
Ни немецком,
Ни тибетском,
А на детском языке.

Пой, пой, бабочка,
Про свою баночку,
Подарила её мне бы,
Я б таким несчастным не был,
И под этим серым небом
Сам вприсядочку б пошёл,
И дуэтом мы бы спели:
«Эй, ползущий еле-еле!
Не грусти, на самом деле
Жить на свете хорошо!»

* * *

Осенней утреннею ранью
кошмар бессонницы отброшу,
кашпо со спящею геранью
чуть отодвину от окна.
Сквозь непонятное мерцанье
увидю первую порошу
и небо в рваном одеянье,
где зябко прячется луна.

Лишь слышен редкий лай дворняги,
да писк какой-то сонной птицы,
да ветерок колышет флаги,
с фонарным балуясь лучом.
Иду к столу, при каждом шаге
скрипят старушки-половицы.
Смотрю на чистый лист бумаги

в печальных думах ни о чём.

ТЕЛЕВИЗОР

Только «ящик» я включаю,
Сразу чувствую: дичаю.
Позитив не замечаю,
Вижу только то, что есть.

Из-за ящика на ножках
Все мы чокнулись немножко:
Он сейчас не в мир окошко,
А в палату номер шесть.

МНЕ НЕ ПОВЕРИЛИ...

И пусть их распирает зло,
Мне не случайно повезло,
Когда ушёл я за село,
Где пили брагу с лешим.
Заснул я, помню, в тишине,
И тут явился он ко мне,
Гусар на боевом коне.
Спросонья я опешил.

Он мне сказал: «Я тут блужу,
Тебя уж полчаса бужу.
Да ты, приятель, я гляжу,
Лежишь в нетрезвом виде.
Где тут дорога сквозь кусты?
Я вот везу в Москву цветы
Царице муз и красоты
Волконской Зинаиде.

Садись за мною на коня.
В запасе пунш есть у меня –
Источник ясного огня
И славного веселья».
«Нет, – я сказал, – пойду пешком,
Хоть с верховой ездой знаком,
Давно не езжу ни на ком.
Тем более с похмелья.

Ты лучше шагу сбавь на треть,
Не забывай вперёд смотреть.
А как покажется Тыреть,
То поверни направо.
А там скачи вперёд, гляди –
Препятствий много впереди.
Но в кабаки не заходи,

Там выпивка – отравка».

Он тронул шпорами коня,
А летний день летел, звеня,
День самый светлый для меня.
Святое было время!
Денис Васильевич курил,
Смеялся весело, острил,
А я судьбу благодарил
И шёл, держась за стремя.

Пунш пили прямо на земле.
А раз я был навеселе,
То мне не верят ни в селе,
Ни в городе Ангарске,
Как, перепутав все года,
Мы говорили с ним тогда
(Такое вставив иногда
По-нашенски, гусарски).

* * *

Когда играет власть с народом,
Прёт оптимизм из всех щелей,
Что жить нам лучше с каждым годом,
Жить с каждым годом веселей.

Давайте спросим: «Россияне,
Жить стало весело, легко?»
Нет, лучше спрашивать не станем,
А то отправят далеко.

АПРЕЛЯ 2055 ГОДА

Какая красивая дата!
Пойду на просторы полей,
Чтоб здесь, на природе, прогрессом объятый,
Столетний встречать юбилей.

Лежит за селом, как лужайка,
Широкий зелёный палас.
За ним – синтетических ёлочек стайка,
Берёзки из белых пластмасс.

Чуть дальше, за рощицей этой,
Оттаял искусственный дёрн.
На нём созревать успевают за лето
В блестящих пакетах попкорн.

В лазурной дали небосклона

Обычный весенний контраст:
Дождливая серость клочков поролона
И белый, как снег, пенопласт.

А жизнь не сбивается с круга,
И вот надо мной, стариком,
Шарниры летят, возвращаются с юга.
Я им помашу париком.

Они голосами стальными
Кричат что-то радостно мне,
А я улыбаюсь зубами вставными
И радуюсь сотой весне.

* * *

Ходит осень золотая.
Журавлей взлетела стая
И курлычет, улетаая
На далёкий юг.
Разрывая паутинки,
По таинственной тропинке
Я иду в лесной глубинке.
Тишина вокруг.

Ворон важно перья чистит.
В хороводе жёлтых листьев
Лишь рябин краснеют кисти,
Зеленеет ель...
Так, любуясь красотой,
Я иду лесной тропой,
И пружинят подо мною
Листья, как постель.

ЖАВОРОНОК

Соловей любим в народе,
Птица милая природе,
Но Байкалу она, вроде,
Не своя.

Только мы о том не тужим,
С нашим жаворонком дружим.
Он поет совсем не хуже
Соловья.

Колокольчиком веками
Он над нашими полями,
Над бескрайними степями
Песни пел.

Один птенчик голосистый
Попрощался с небом чистым

И к народному артисту
Улетел.
Голос там его раздался.
Амархуу, ты так старался,
Нелегко тебе достался
Твой успех.
За неделей шли недели,
За тебя мы все болели,
Оказался ты на деле
Лучше всех.
Мишуру отбрось от дела,
Закрепи успех умело,
Опершись на плечи смело
Земляков.
Вспоминай в пылу работы
У эстрадного болота:
В жизни главное не кто ты,
А каков.
Время мчится – не заметишь.
В путь иди, какой наметишь,
И свою девчонку встретишь
На пути.
Положи стихи поэта
На мотив, никем не спетый,
И потом девчонке этой
Посвяти.
В небе жаворонок вьётся
Как же нежно песня льётся,
Как легко ему поётся
Наверху!
Чтоб залётной птицей не был,
Помни вкус степного хлеба,
Помни синь родного неба,
Амархуу.

* * *

Утром солнце над долиной
Поднимается.
За работу рой пчелиный
Принимается.
Раз не скрыла непогода
Неба чистого,
Значит, будет много мёда
Золотистого.

А в траве семья трудилась
Муравьиная.
На их дом вчера свалилась
Ветка длинная.
Вот они залезли выше

И с репейника
Ремонтировали крышу
Муравейника.

НА ХАШХАЕ

Смотрю я вдаль с отвесного Хашхая
И край родной приветствую с горы.
А там, вдали, Унга бежит, сверкая,
Бежит к зеркальной глади Ангары.

Поют ветра, и солнце ярко светит,
Мне кажется, как птица я лечу,
И в том полёте все просторы эти
Объять своими крыльями хочу.

Лесная даль, цветы на луговине
И золотые хлебные поля,
И деревеньки тихие в долине
– всё это ты, унгинская земля.

Любовь к тебе живёт не утихая.
Я с детства своей родиной горжусь.
Смотрю я вдаль с отвесного Хашхая –
На родину свою не наляжусь.

СКАЗКА ДЕДУШКИ АНТИПА

Вьюга, небо не мути,
До утра не замети
Все посёлки,
Все просёлки,
Все дороги, все пути.

Ты, корова, не мычи,
Ты, собака, замолчи,
Ты, котёнок,
Там спросонок
Не мурлыкай на печи.

По столу не москотать
И ногами не болтать,
Не толкаться,
Не щипаться,
Деда не перебивать.

Я тут с вами посижу,

Сказку на ночь расскажу.
Я же к ночи
Умный очень,
Но бывает – торможу.

Значит, так: на свете жил...
Значит, жил он – не тужил...
Где родился,
Там крестился,
Там кому-то и служил...

Вот он, значит, жил да был...
И чего-то там добыл...
Был он, это...
Значит, где-то...
Остальное я забыл.

Сказок я не забывал.
Значит, в памяти провал.
Хватит, братцы:
Семь пятнадцать,
И начался сериал.

* * *

Нам от памяти своей
Никуда не деться.
Я до самых мелочей
Помню своё детство.

Помню, как отец давал
Первые советы,
Помню, танки рисовал
На полях газеты.

Рисовал я, как умел,
Гусеницы танку,
А под вечер посмотрел
Сельскую гулянку.

Я тогда с печи смотрел,
Как плясали дробно.
Кто как пил и кто как пел,
Помню всё подробно.

В кукурузе я сидел,
Где играли в прятки,
И с друзьями вместе ел
Белые початки.

Жизнь казалась нам всем

Праздником весёлым,
И завидовал я тем,
Кто ходили в школу.

Ну когда ж, когда пойду
В первый класс я лично?
Всё, что было в том году,
Помню я отлично.

Жизнь несётся быстро так,
Память поостыла,
И не вспомню я никак,
Что сегодня было.

Утром начал вспоминать,
Не припомню что-то:
То ли надо провожать,
То ль встречать кого-то.

И в кругу гостей своих
Вспоминал я свой же стих.
Долго. Да что толку?
Помню только хорошо
Детский маленький стишок,
Что учил на ёлку.

ХАНДРА

Небо плачет две недели,
Дождик льёт как из ведра.
Всё, сейчас на самом деле
Постучит в окно хандра.

По канаве вдоль дороги
Приплывут издалека
Непонятные тревоги,
Беспричинная тоска.

Подгребут они по лужам
Прямо к дому моему.
Мне сейчас никто не нужен,
Я не нужен никому.

Я сегодня обеспечен
Грустью, льющей с небес.
Эх, напьюсь! А как же печень?
Так поем. А лишний вес?

Попишу. А где же темы?
Мне бы книг. А деньги где?
Почему мои проблемы

Разбухают при дожде?

Никуда от них не деться.
Продавить бы в горле ком
Хоть одним глоточком детства –
Да по лужам босиком!

Так, чтоб пятки замелькали,
Чтоб за мной на зависть всем
Только брызги от печали,
Только пена от проблем.

КАК ТОЛЬКО БРОШУ ПИТЬ

Наступит жизнь отрадная,
Красивая и складная,
Как только брошу пить.
С душою обновлённою
На улицу зелёную
Я выйду побродить.

Лиричный и начитанный,
Культурный и воспитанный,
иду за дальний двор.
Друзья там по традиции
доходят до кондиции,
усевшись под забор.

Иные уж в прострации,
сидят, как в ресторации
отеля «Метрополь».
Полнейшая идиллия,
напитков изобилие
испробовать изволь:

Тут и вермут крепленая,
и водочка палёная –
глушитель горьких дум.
И стеклоочистители –
извилины выпрямители,
и питьевой парфюм.

Сплошное искушение,
Но я принял решение,
и я не отступлю:
– Вы что, друзья-приятели?
Совсем, я вижу, спятили.
Я это не люблю.

Всё, хватит дурью маяться,
пора бы вам раскаяться.
Ну как не стыдно вам?!

Страна в изнеможении,
войдите в положение,
прислушайтесь к словам.

А тут ещё тем более
устроили застолье.
Взгляните на забор:
«Икс-игреком» исписанный,
собачками описанный –
Бесстыдство и позор!

И в это же мгновение
и совесть, и прозрение
на них с небес сойдут.
И мы пойдём за книгами
Уже не забуддыгами,
Что под забором пьют.

А вдоль широкой улицы
уже цветы красуются,
где были лопухи.
И вдоль по обе стороны
павлины, а не вороны,
Поют, как петухи.

Дорога не разбитая,
шампунями помытая,
кругом полнейший лоск.
А рядом, у обочины,
как пёс паршивый, включенный,
Стоит пивной киоск.

Но мы с осанкой гордою
Идём походкой твёрдою –
Его не признаём.
А продавщица бедная
Рвёт волосенки медные
На темечке своем:

– Зайдите, я же добрая,
теперь уже не кобра я
и не тамбовский волк.
– Что, крашеное чучело,
забыла, как нас мучила
и не давала в долг?

И только ради шуточки
Зайдём на две минуточки,
Чтоб лимонад купить.
Наступит жизнь отрадная,
фруктово-лимонадная,
как только брошу пить.

Я раздербаню
 всё наше
 буржуиство!
И пусть
 всем хозяевам
 нового времени,
Самим
 олигархам
 и их любовницам-швабрам,
Вседенно,
 всенощно
 бьют по темени
Мои стишищи
 рифм
 канделябром.

5

Нет, напишу стихи я, как Рубцов,
Свежо, по-русски искренне и тонко
Постиг он мудрость дедов и отцов,
Оставив в сердце чистоту ребѣнка.

Я воспою, как он, родимый край,
Воробышка – его в траве не видно –
И бабочку... Ой, бабочка, прощай!
Воробышек, ну как тебе не стыдно?

6

Нет, напишу я стихи, как Кобелев.
Вот и тупик – рифма кончается.
Кобелев... Нобелев... Шнобелев...
Не получается.

Я УЙДУ

Все равно я уйду.
Встану с мягкого дивана,
Ничего не возьму,
Выйду с лирой за порог.
Все равно я уйду
На рассвете рано-рано.
И пойду наугад
По одной из ста дорог.

Цепи разом порву,
Что к дивану приковали.
Понесѣтся за мной
Звон разорванных оков,
Предо мной целый мир
И неведомые дали,
Надо мной – паруса

белоснежных облаков.

И как вольный поэт
Я пойду по белу свету,
От села до села,
От дверей и до дверей.
Буду вирши читать,
Как положено поэту, –
Может, люди вокруг
Станут лучше и добрей.

Все равно я уйду –
Или поздно, или рано.
Вспоминай меня, мать,
И подруга, не забудь.
Жаль, сегодня опять
Не хочу вставать с дивана.
Все равно я уйду,
Но потом... когда-нибудь.

ПОБЕГ

Что-то в нынешнем году
Я с собою не в ладу.
Я и в прошлых-то годах
Был с собою не в ладах.
Всё! Так больше не могу,
От себя я убегу.
Только пусть наступит ночь –
От себя уйду я прочь.
Буду тихо уходить,
Чтоб себя не разбудить.
Ни себя, ни третьих лиц
Скрипом старых половиц.
Да по улице – бегом!
Пока спит народ кругом.
А дорогой оглянусь:
Может, сзади я гонюсь.
Так и сделал я в ту ночь –
От себя умчался прочь.
Краем речки у воды
Я запутал все следы.
Пробежался, и вода
Не оставила следа.
Вот лечу во весь опор
Из посёлка на простор.
И на первой же версте
Я споткнулся в темноте.
Отдохну-ка, полежу.
Неуютно тут, гляжу:
Тьма, роса, в иголках ель.

Где ты, тёплая постель?
Задыхаюсь, боль в спине...
Как?! Болезни все при мне?
Значит, взяв букет болезней,
Я оставил, что полезней,
И умчался, прихватив
Весь душевный негатив?
Там теперь без негатива
Я здоров, лежу красиво,
На постельке тёплой спя,
В обе дырочки сопя.
Я не радуется пусть,
Я сейчас домой вернусь.
Прихожу домой, гляжу –
Вот постель, вот я лежу.
Что, я, лыбишься лежишь?
От себя не убежишь.

МАЙ

Расцветай,
Месяц май,
Загляни в мои окошки,
Подари
До зари
Мне бессонный лунный свет,
Поиграй,
Месяц май,
Поиграй мне на гармошке
И в груди
разбуди
Песню давних юных лет.

Чтобы стать
Мне опять,
Как и ты, мой месяц, юным,
Чтоб опять
услыхать
в сердце трели соловья.
Мы с тобой,
Месяц мой,
Будем вместе до июня,
Мы с тобой,
Месяц мой,
Закадычные друзья.

ЖУРАВЛИК

Не нужна мне в ладонях синица,
Я журавлика жду по весне.

Прилетай, моя добрая птица,
Надо мной покружи в вышине.

Ты как символ духовной свободы
Сквозь пространство и время лети,
Улетай в мои юные годы
И с собою меня захвати.

Ангарская ночь. В небе месяц печальный.
Прохлада плывёт от Саянских вершин.
Окраина. Спит магазин «Магистральный».
А рядом дорога. Шуршание шин.

Правей магазина зачем-то оградка.
Мигает неоновый жиденький свет.
Конечная точка маршруток – площадка.
Стоят на площадке поэт и поэт.

Ночной небосвод прочертила комета.
Все улицы спят. Переулки тихи.
Лишь слышно, как два полуночных поэта
Мерцающим звёздам читают стихи.

ИРКУТСК

Иркутск, над тобою, мой город,
Байкальские ветры поют
Про свет куполов величавых соборов,
Про дивную вязь деревянных узоров
И двориков старых уют.

Раздвинув окраины шире,
Громады кварталов растут.
Расти же, мой город, в согласье и в мире,
Расти, как подснежник в суровой Сибири.
Тебе – наши песни и труд.

И мы не забудем традиций,
Что ты нам веками берёг.
Так пусть всё хорошее вечно хранится,
Пусть каждый к добру, словно к солнцу, стремится.
А в добром поможет нам Бог.

ДЕТСКАЯ МЕЧТА

Заполню в сердце пустоту.
Возьму с собой краюху хлеба,

Исполню детскую мечту
Залезть на утреннее небо.

Через холмы, через леса
Пойду, дорог не разбирая,
Туда, где только небеса
И поле без конца и края.

Туда, где горизонт вдали
Яснее будет выделяться.
И я пойду на край земли,
А он всё будет удаляться.

Дойти до края не смогу.
Ну сколько может это длиться?!
Я быстро-быстро побегу,
Чтоб не успел он удалиться.

Схвачу за край небесный зонт
На стыке перспективных линий,
Потом шагну за горизонт –
И заберусь на купол синий.

И с той небесной высоты
Увижу я такие дали!
Поверьте, этой красоты
И отродясь вы не видали.

В БИБЛИОТЕКЕ ДК НЕФТЕХИМИКОВ

Я снова в этом зале,
В прекрасном светлом зале,
И я уже не «леший»,
А светлый человек.
Здесь наяву нам снится:
Мы в Северной столице,
Что за окном Фонтанка
И позапрошлый век,

Что в этот дивный вечер
Внезапно вспыхнут свечи,
Туманом на минуту
Затянет небеса
И к нам сойдёт с портретов
Созвездие поэтов –
Живыми их увидим,
Услышим голоса.

А как туман растает,
Нам Пушкин почитает
Свои стихи святыя.

Все новые к тому ж.
И поклонясь поэту,
Нам Гоголь по секрету
Прочтёт вторую книгу
Бессмертных «Мёртвых душ».

А также мы услышим,
Что слабовато пишем,
Что надо бы получше
Родной язык беречь.
Нам скажут на прощанье
Слова как завещанье,
Чтоб было здесь побольше
Подобных добрых встреч.

Чтоб здесь, в уютном зале,
Стихи всегда звучали,
Чтоб в этом зале песни
Прекрасные лились.
Как здорово, что снова
Звучит родное слово.
Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались!

НА КНИГУ Г. ГАЙДЫ «ПОСМЕРТНОЕ»

От книги вдруг бессонница –
снотворным не помочь.
Хотел лишь ознакомиться,
а просидел всю ночь.

слова обыкновенные,
обычный строй строки,
и мысли сокровенные
понятны и близки.

Он патриот Отечества
до кончиков волос.
Сказать мне больше нечего,
но есть один вопрос.

Мне не понять, наверное,
поэту от сохи,
как в сборнике «Посмертное»
бессмертные стихи.

МОЕЙ МАТЕРИ

Этот день январский
светлый самый-самый,
и Христос с иконы
смотрит в душу мне.
Рождество Христово,
день рожденья мамы –
для меня сегодня
радостно вдвойне.

Служба в церкви нашей
в Рождество Христово,
за здоровье мамы
я зажгу свечу.
Где найти те мысли,
где найти то слово,
чтоб сказать всё то, что
я сказать хочу.

Я хочу, слова чтоб
ей наградой стали
за её страдания,
за её труды.
Только ей в наградах
нет большой печали,
и в словах красивых
нет большой нужды.

Ей мои успехи
главная награда
и чтоб я не сбился
с верного пути.
Да и слов красивых
матерям не надо,
если есть – СПАСИБО,
если есть – ПРОСТИ.

* * *

Читаю статьи – предо мною гора
газетной макулатуры.
Их пишут сейчас не акулы пера,
а дятлы клавиатуры.

* * *

«Дом писателей? Конечно,
знаю, знаю, этот дом.
Вон он, видишь, друг сердечный,
морды львиные на ём.

А повыше этих кошек
лица каменных девчат.
Видишь – вон, поверх окошек,

ихни головы торчат.

Сам откуда? С Новонкутска?
Не бывал там, но слышал.
Двести с гаком до Иркутска
на маршрутке отмахал?

Ну даёшь! С тобой всё ясно.
Прикатить в такой мороз!
А приехал ты напрасно,
писанину зря привёз.

И без нас добра такого
понапишут – будь здоров
в доме этого Петрова.
Кстати, кто такой Петров?»

* * *

Кандидаты в депутаты
Замелькали на ТиВи.
Снова выборы, дебаты,
Клятвы верности в любви.

Так красиво распевают
Вразной и в унисон,
И мелькают, и мелькают,
Как завязки от кальсон.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ПРО ТО, КАК ОДИН СТАРЫЙ ЛЕСНИК СТАЛ МОЛОДЫМ ПОЭТОМ

Расскажу вам о поэте,
Но начну о леснике.
Жил да был лесник на свете,
Не держал пера в руке.

От вчерашнего боля,
Брёл он как-то по траве.
Брёл он, сам себя жалея.
Вдруг – удар по голове!

Это был кусок штурвала
С пролетевших НЛО.
В голове светло так стало,
Озарение пришло.

Он сначала закачался,

Думал – кара за грехи.
А потом домой помчался –
И давай писать стихи.

Без притирки, без примерки,
В пятьдесят неполных лет.
И как чёрт из табакерки
Новый выскочил поэт.

МОНА ЛИЗА

Итальянская красавица
в белой рамке на стене
всем на свете улыбается,
всем на свете, но не мне.

Смотрит грустно, укоризненно,
просветив меня насквозь,
словно на дороге жизненной
нам встречаться довелось.

Может, это сострадание,
если видит наяву,
что сегодня, как и ранее,
я неправильно живу.

Надо за зиму исправиться,
и – впервые! – по весне
улыбнётся мне красавица
в белой рамке на стене.

* * *

Нету, дед, махорки, только семечки.
Может, лучше сядем под рябиною.
Мне так любо слушать на скамеечке
речь твою певучую старинную.

Вспомни свою жизнь обыкновенную,
власти помянув иносказательно,
вспомни свою молодость военную,
про охоту вспомни обязательно.

Как обычно, малость приукрась его,
свой рассказ бывалого охотника.
Жаль, тут нет Галины Афанасьевой,
доброто научного работника.

Вы бы с ней о чём-нибудь поспорили,

по-сибирски, просто, побалакали.
Ты б поведал грустные истории,
мы бы с нею слушали и плакали.

С речью современной мне не дружится,
с той, что на саму себя пародия.
Говори, дед. Пусть над миром кружится
Русской речи чистая мелодия.

* * *

Вдохновенья нет с утра –
скукой маешься...
Я стихи сложил вчера –
закачаешься.

Я восторженно рычал,
Как во злобе лев.
– Ай да сукин сын! – кричал. –
Ай да Кобелев!

Но серьезней стал читать
и критичнее,
понял: мог бы написать
поприличнее.

Над листками потужил,
выпил стопочку –
и у печки положил
на растопочку.

* * *

Водитель постарался,
и я приехал рано.
А город испугался
и спрятался скорей
а крепкие заборы,
где строгая охрана,
за мощные запоры
и за броню дверей.

Я ждал совсем иного
от города родного.
Гляжу на аккуратно
покрашенный фасад:
к друзьям не достучаться,
подруг не докричаться.

Вернусь-ка я обратно,
вернусь-ка я назад.

Какие ощущения
во время возвращенья!
И радости минуты,
и лёгкая печаль.
Везёт меня маршрутка,
везёт меня в Нукуты,
везёт меня маршрутка
в лазоревую даль.

И вот, меня встречая,
бегут навстречу сёла,
приветливо качая
ветвями тополей,
цветами иван-чая
заброшенного поля
и зеленью весёлой
засеянных полей.

АНГАРА

Эх вы думы мои, думы малохольные,
вечно кем-то или чем-то недовольные.
Хватит! Утренней порою
праздник я себе устрою –
полечу над Ангарою
птицей вольною.

Надо мною синий тенгрий Тушемилова*,
подо мною разноцветье края милого.
Вот раздолье для поэта,
хоть давным-давно всё это
у Распутина воспето
и Вампилова.

А река всё о плотины спотыкается.
Время кончилось грешить, пора нам каяться.
Сквозь засоры и заторы
светлой памятью Матёры
наша совесть на просторы
пробивается.

*Тушемилов Папа — народный сказитель (улигершин).

НОЧЬ ПОКАЯНИЯ

1

Почему-то сегодня

я спать не хочу.
Эта ночь бесконечна.
Про какие долги
Вспоминаю-шепчу?
Не про деньги, конечно.

Может статься, и нет
этих самых долгов.
Зря я краски сгущаю?
Всё равно настоящих
и мнимых врагов
я сегодня прощаю.

Жаль, что жизнь, как кино,
не открутишь назад,
нет годам возвращенья.
И кому-то уже
не посмотришь в глаза,
не попросишь прощенья.

Почему-то сегодня
я спать не хочу.
Ночь всё длится и длится.
Надо в церковь сходить
да поставить свечу,
да за всех помолиться.

2

Браконьеров лица,
свист случайной пули,
крик подбитой птицы,
раненой косули.

Крик ослаб сквозь годы,
но остались думы.
Я – венец природы,
человек разумный.

Пусть страдает разум!
До конца, до грани,
где порвётся разом
цепь моих страданий.
А пока неймётся,
а пока не спится.
Вместо сердца бьётся
раненая птица.

НЕОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА

Есть одна деревня дальняя.
К ней дорога непроезжая:

нет дождя – так пыль печальная,
а как дождь – так яма свежая.

Но никто не беспокоится:
дело, в общем-то, привычное.
Жил Мужик там у околицы –
дом, семья, хозяйство личное.

Жизнь простая, неприметная,
работяга, пил умеренно.
Вот вам выписка анкетная,
что на семь рядов проверена:

«Беспартийный. Без судимости.
Не участвовал. Не значился.
Годен при необходимости.
Не якшался. Не артачился».

Как-то он в ночной сонливости
вспомнил про совет отеческий:
нужно жить по справедливости,
нужно жить по человечески.

И решил Мужик стать личностью
(это нужно поприветствовать),
а стандарту заграничному
можно и не соответствовать.

Стал он думать – это главное!
От того решенья нового
закипел он силой славною,
роста стал семиметрового.

Как узнал про эти новости
заграничный Тараканище:
«Это что ещё за вольности?!
Это что за великан ещё?!

Олигархи неурочные,
что вы мух сидите ловите?
Принимайте меры срочные!
Он пойдёт – не остановите!

И тогда всё ваше золото,
на хранение что мне дадено,
мною в гравий будет смолото,
всё равно оно украдено».

И услышав речи страшные,
побежали в Кремль рублёвские.
Там в ларце за Спасской башнею
двое – молодцы кремлёвские.

Одинаковы с лица они
и по сути одинаковы.
Вылезают из ларца они:
«Вызывали нас, однако, вы?»

Что богатым беспокоиться?
Ведь проблемы нет фактически.
Тот мужик, насколько помнится,
олух среднестатистический.

Так пускай он смотрит заново
сценки шабаша кремлёвского,
на стенания Зюганова,
на репризы Жириновского».

И с осенними порошами
к Мужичу летят все с песнями
(И такие все хорошие,
словно ангелы небесные,

а не грех Адама с Евою)
и хватают всей оравой:
коммунисты гачу левую,
либералы гачу правую.

Демократы, закатив глаза,
со страшилкой культа личности,
как центристы, ухватились за...
Но упустим неприличности.

А Мужик на месте топчется:
«Да на мне же целый воз, поди!»
И чем эта сказка кончится
лишь тебе известно, Господи.

ЭЛЕКТРИЧКА

Вокзал, платформа, в город рейс,
локомотивов перекличка.
И застучала электричка
колёсами о стыки рельс.

Гляжу в вагонное окно
под стук летящей электрички
и вспоминаю по привычке
года, минувшие давно.

Растратил годы я, простак,
свободно, щедро, без печали.
Колёса мне «тук-тук» стучали,

теперь стучат «тик-так, тик-так».

Средь пролетающих огней
мелькают вёрсты, годы, лица,
и жизнь как электричка мчится
к конечной станции моей.

* * *

Я бегу за синей птицей,
Пот солёный на ресницы,
пыль дорожная клубится,
только искры от камней.
Уж пора угомониться,
не поймать мне синей птицы,
всё равно мне не сидится,
всё равно бегу за ней.

* * *

Снова стряпает указ
наша власть-процентщица,
и уже в который раз
наш доход уменьшится.

До каких же это пор?
Может, надоест кому,
он возьмётся за топор.

Всё по Достоевскому.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПЕСНИ

Помню, сидя за работой,
Тихо женщины поют.
Я сижу, рисую что-то,
и в душе моей уют.

Мелодичные преданья
Как из вечности звучат.
Помню грустные Странанья
В исполнении девчат,

Помню праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет,
И желанны, и любимы,

Нелюбимых песен нет.

Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши,
Даже песни-нескладушки
Так приятны для души!

Я живу и всё приемлю,
Всю простую красоту,
А когда зарюют в землю,
Тихой песней прорасту.

ДОРОГА НА БАЛТАЙ*

Конь бежит лениво,
Куржавееет грива.
Батя молчаливо
Курит свой табак.
Я сижусь, болтаю
И ворон считаю.
Едем мы к Балтаю
Через Хархунак**.

Ехать на заимку
Нам тепло в обнимку.
– Пережить бы зимку, –
Говорит отец.
На заимке старой
Зимовьё с кошарой
И большой отарой
Зунгарских овец.

Там пойдёт работа
До седьмого пота:
Батя сделал что-то –
Стыдно отставать.
На Балтае, братцы,
Нечего болтаться.
На Балтае, братцы,
Некогда болтать.

* Балтай – *заимка*.

** Хархунак – *падь*.

ТРИ СЫНА

(По мотивам бурятского эпоса «Абай Гэсэр»)

1

Посреди степи, где седой курган,

Жил да был Саргал – тугешинский хан.
Хоть не молод был, но силён и смел,
Молодых троих сыновей имел.
Старший сын его был Алтан Шагай,
Средний сын его был Мунгэн Шагай.

Младший сын Нюргай был в ту пору мал,
И отец его соплячком прозвал.
Тот Нюргай ещё продолжал расти,
Как отец послал их телят пасти.
Братья выгнали и пасут телят,
Было тех телят ровно семьдесят.

Братья бегают и не ведают,
Чем сегодня днём пообедают.
Вот уж есть пора, и сказал Нюргай:
«Брат Алтан Шагай, брат Мунгэн Шагай,
Здесь у нас телят очень много есть,
Вот бы нам троём одного бы съесть».
Братья старшие не решаются,
Ведь родители заругаются.
Взялся их Нюргай успокаивать,
Уговаривать и настаивать:
«Мы съедим телка, а потом троём
Шкуру травами посильней набьем.
Крикну — кыш! — тогда я кургузому,
Куцехвостому, толстопузому.
Побежит телок, забодается.
Разве кто-нибудь догадается?
Будет шкура та по степи скакать,
Не поймёт отец, не узнает мать».
Согласились те: «Ну давай, пока
Мы костер зажжём, ты лови телка».
И тогда Нюргай был хотя и мал,
Но за хвост телка на бегу поймал.
Шкура так в руках и осталась,
До костра одно мясо мчалось.
Мясо сжарили и отведали,
Всем телком зараз отобедали.
И сказал Нюргай: «А теперь троём
Шкуру травами посильней набьем».

Набивать взялись они чучело,
Шкуру бедную чуть не вспучило.
Закричал Нюргай: «Эй, кургузый, — кыш!
Что не бегаешь и чего стоишь?»
Побежал «бычок» и мычал притом,
И бодаться лез, и махал хвостом.
Осмотрел отец стадо вечером:
«Молодцы! Сказать больше нечего».

Снова выгнали поутру телят.
Подошёл обед, есть опять хотят.
А как день прошёл — братья сытые,
В стаде два телка уж набитые
И багульником, и степной травой.
И второй бычок скачет как живой.

И на третий день братья сытые,
В стаде три телка уж набитые.
Потом пять телят, потом семь телят,
Наконец они съели семьдесят.

Так за лето все пообеденно,
Мясо всех телят было съедено.

Вот пригнали раз эти чучела,
Братьев сильная жажда мучила.
Каждый пьёт и не напивается.
Мать на них глядит, удивляется:
«Где ж вы так сынки, уморились,
Что водою чуть не опились?»
«Ох, напились еле-еле мы —
Очень жирное мясо ели мы.
Жирный был телок, дольше всех ходил,
Из несъеденных он последний был».
Побежала мать и проверила,
Аж глазам своим не поверила!
С виду бык как бык, и стоит мычит,
Пригляделась: а трава торчит.
Догадалась мать, заругалась мать
И давай кнутом сыновей гонять.

Услыхал отец, прибежал на крик,
А потом до слез хохотал старик.
Про проделки те он, конечно, знал,
Но сейчас ругать сыновей не стал.
Возмужали все, стать сибирская,
Сила будет в них богатырская.
Но хотя в руках сила славная,
Сила духа — вот сила главная.
Потому-то он им заранее
Приготовил три испытания.
Не заметишь, как пролетят года,
Кто его народ защитит тогда?

3

Поутру старик очень рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Алтан! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.

Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Алтан, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из этого ты построить мог?»
Сын задумался, долго думал он:
«Я построил бы для скота загон».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
Помолчав чуть-чуть, говорит Алтан:
«В этом месте я основал бы стан.
Будет здесь трава хорошо расти,
Значит, будет где табуны пасти».
Замолчал Алтан, и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И влетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой выюнок.
Вздрыгнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Алтан-Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Закричал Алтан: «Умер папа мой!»,
Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришёл конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

4

Вот назавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Мунгэн! Надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Мунгэн, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Что б из этого ты построить мог?»
Помолчал Мунгэн, посмотрел кругом.
«Вот из этого я б построил дом».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»

И сказал Мунгэн: «В этом месте мне б
Целину вспахать да посеять хлеб».
Замолчал Мунгэн, и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.
Вздрыгнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалились хан и Мунгэн Шагай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Закричал Мунгэн «Умер папа мой!»,
Разрыдался и побежал домой.
Возвратился в дом, а за ним отец:
«Уж подумал я, что пришёл конец.
Кое-как мне там удалось встать».
И под вечер все улеглись спать.

5

Вот назавтра хан снова рано встал,
Шило острое с сапогом связал.
«Эй, вставай, Нюргай, надо лично мне
Осмотреть поля приграничные».
И поймал быка превеликого,
Нрава буйного, полудикого.
Сели сын с отцом, и повёз их бык,
Позади Нюргай, впереди старик.
Ближе к полудню заезжают в лес,
А деревья там чуть не до небес.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Чтоб из этого ты построить мог?»
Отвечал Нюргай: «Я б построить мог
Для людей жильё и большой острог,
Чтоб не вздумали здесь враги пройти,
Чтоб была у них крепость на пути».
Проезжают лес, вид меняется —
Перед ними степь расстилается.
И спросил отец: «Посмотри, сынок,
Как бы эту степь ты освоить мог?»
«Место здесь, отец, подходящее,
Будет битва здесь настоящая,
И залью тогда степь просторную
Кровью вражеской, кровью чёрною.
Защищать начну я от нечисти
И тебя, отец, и Отечество».
Рад отец тому, что сын сказывал,
Только виду он не показывал.
Потому сидит и молчит отец.
Впереди поля и степи конец.
И взлетает вдруг возле бычьих ног
Птичка малая, полевой вьюнок.

Вздрыгнул бык, а хан сколько было сил
Шило острое ему в бок всадил.
Как кузнечик, вверх подскочил бугай,
Повалился хан, и слетел Нюргай.
Вот лежит отец и не дышит он,
Сын зовёт его, но не слышит он.
Говорит Нюргай: «Я закон храню,
Наряжу отца и предам огню».

6

Посидев, Нюргай вытер грязь с лица.
До чего ж ему было жаль отца!
И пошёл, кляня горе личное,
На поля на те, приграничные.
У китайцев там взял шелка Нюргай,
Разноцветные, с позолотой край.
В те шелка одел своего отца.
Горе тяжкое, тяжелей свинца...
Постоял Нюргай и слезу утёр,
Посреди степи запалил костёр.
И кострище то было сложено
По обычаю, как положено.
Произнёс Нюргай всё, что следует,
Тем, кто веру ту проповедует.
Хоть нелепо так и погиб отец,
Но душе его не пришёл конец.
Пусть душа его, что селилась в нём,
К небесам уйдёт со святым огнём.
Пусть очистится, успокоится,
Жизнь иная там ей откроется.
Вот в костре отец, и шелка на нём
Сразу вспыхнули, занялись огнём.
Закричал отец: «Ой, сынок, прости!
Затуши огонь и отца пусти.
Хоть я полон сил, но не молод я,
Знать хотел, кто б мог заменить меня.
Вижу я, Нюргай, ты у нас каков:
Буду смело жить, не боясь врагов,
А умру — пойду в свой последний путь
Как положено, а не как-нибудь.
Что случилось здесь, ты о том молчок.
Для меня теперь ты не соплячок.
Ты не маленький, а большой Нюргай,
Так зовись теперь Удалой Нюргай.
Как сейчас я горд и доволен я!
Ты сегодня сядь впереди меня».
Сын поймал быка, и повёз их бык,
Впереди Нюргай, позади старик.
...Вечер медленно опускал туман
На родную степь и седой курган.

Славным батором стал Алтан Шагай,

Славным батором стал Мунгэн Шагай,
А Нюргай подрос и Гэсэром стал.
Добрым юношам он примером стал,
Старикам он стал в утешение,
А врагам он стал в устрашение.
Ведь не зря его похвалил отец.
Тут и повести подошёл конец.

ОХОТНИК ХАРТАГАЙ

(бурятская сказка)

Сказку старую стихами
Я хочу вам рассказать.
Раньше куры с петухами
Лучше всех могли летать.

В небе молнией блистали,
И полёт их был таков,
Что порой они летали
Выше белых облаков.

А потом в лесу садились
Среди вольных птичьих стай.
Место, где они гнездились,
Знал охотник Хартагай.

Думал он, глядел на небо
В синий тенгрий без границ:
«Вот сейчас отведать мне бы
Мясо этих вольных птиц».

И однажды на рассвете
Хартагая ждал успех:
Заманил он куриц в сети
И поймал их сразу всех.

А обратною дорогой
Он услышал просьбу птиц:
«Ты, охотник, нас не трогай,
Нанесём тебе яиц».

Со скотом твоим рогатым
Будем жить в одном дворе.
Будешь пищею богатым,
Будет радость детворе».

Хартагай решил: «Теперь я
Крылья им укорочу,
Спрячу дома эти перья
И курятник сколочу».

Так и сделал. И всё лето

Жили курицы, неслись.
Надоела жизнь им эта,
Их опять манила высь.

«Что нам, курам, делать? Что же?
Дни за днями провожать?
Улететь теперь не сможем.
Может, просто убежать?»

А петух, мрачнее тучи,
Так сказал: «Я не хочу
Жить без крыльев тех, летучих.
Я без них не улечу.

Хартагая мы попросим,
Пусть он крылья нам вернёт.
Мы ему добро приносим,
И охотник нас поймёт».

А охотник это слышал,
Был он около двора.
К петуху и курам вышел:
«На охоту мне пора.

Понимаю вас и каюсь,
Признаю свою вину.
Я на зорьке возвращаюсь,
Крылья сразу же верну».

Вышел с луком за ворота
И пошёл в сосновый лес.
Но в лесу случилось что-то,
И охотник там исчез.

Может, духов он обидел,
И его медведь задрал?
Но никто в ту ночь не видел,
Чтоб охотник умирал...

Вот и зорька заалела.
Тихо-тихо во дворе.
Птичья стая пролетела
И растаяла в заре.

А петух взлетел повыше,
Чтобы видеть леса край,
И кричит, кричит на крыше:
«Хартага-ай! Хартагай!»

День неспешно догорает,
А петух сидит и ждёт.
Как молитву повторяет:

«Хартагай сейчас придёт.

Никогда он не забудет
Обещанье крылья дать.
Завтра снова утро будет,
Значит, снова будем ждать.

Если дал охотник слово,
Значит, выполнит его».
Загрустили куры снова,
Не дождавшись ничего.

На заборе сели рядом,
Греют пёстрые бока,
Провожают грустным взглядом
В синем небе облака.

И клянут удел свой горький,
Вспоминая прежний рай,
И зовёт петух на зорьке:
«Хартагай-ай! Хартагай!»

Скоро сказка станет былью —
Хартагай домой придёт.
Только тот получит крылья,
Кто надеется и ждёт.

КТО БЫСТРЕЕ

Сообщил историк местный,
Что в Алари, говорят,
Жил Гарма – бегун чудесный,
Зверобой, стрелок известный,
Из хонгодорских бурят.

Если что стрелу отклонит
И она не так пойдёт,
То Гарма не проворонит,
На лету стрелу догонит,
Скорректирует полёт.

И такой же быстроногий
Был ещё Бадма бурят.
Жил он в юрте у дороги,
Не богатый, не убогий,
Из унгинских булагат.

Если он с женой повздорит,
То уйдёт на целый день
И любого объегорит,
На ведро архи поспорит,

Что свою обгонит тень.

Пробежать он так сумеет,
В беге выложится весь,
Вокруг юрты вихрем взвееет,
Семь кругов завить успеет,
Когда тень лишь только шесть.

Тень, бывало, не отстанет
И успеет тоже семь.
Всё равно он спорить станет,
Всё равно того обманет,
Кто неграмотный совсем.

На Унге аларских встретят,
Вместе выпьют тарасун,
На вопросы их ответят
И случайно так заметят:
«Ах, какой Бадма бегун!»

И аларские встречают,
Льют унгинским тарасун,
Все в гостях души не чают
И случайно замечают:
«Ах, какой Гарма бегун!»

Как-то раз дошло до брани,
И сказали старики:
«Чтоб не спорить, не буянить,
Бегуны на Сур-Харбане
Побегут вперегонки.

И конец наступит спору».
Вот подходит Сур-Харбан.
Бегуны по уговору
Забрались вдвоём на гору:
Старт давался от Саян.

Луки разом натянули
И пустили две стрелы,
Да за ними так рванули,
Что, догнав, под них нырнули
И вперёд ушли, орлы.

Эй, лети с дороги птица,
Уводи с пути зверей!
Видишь, вихрь какой-то мчится,
Как в коллайдере частица,
Даже чуточку быстреей.

Люди, что в пути встречались,
Не могли никак понять,

Как две тени оторвались,
За хозяевами гнались –
Не могли никак догнать.

Бегуны стремглав летели
От Саян и до реки,
Где в тени ангарской ели
Птицеловы в ряд сидели
И готовили силки.

Слабонервные и дети
Враз зажмурили глаза,
Чтоб не видеть страхи эти:
Бегуны влетели в сети –
Тут бессильны тормоза.

Всё закончилось прекрасно –
Одновременно пришли.
А толпа-то не согласна,
Кто быстрее пришёл – не ясно.
Снова споры завели.

Чтобы не было сомнений,
Посмотреть они хотят:
Как с учётом всех мгновений
Прибегут на финиш тени
И как стрелы прилетят.

Стрелы вскоре прожужжали,
Одновременно причём.
Тени вместе прибежали,
Так на финиш поднажали,
Аж язык через плечо.

Больше споров с того года
Не случалось никогда,
И с тех пор два близких рода –
Ветви одного народа,
Стали «неразлейвода».

ПРОЗА



ШАЛОНИНСК

Сказание о моей деревне

Сказанное слово со временем забывается, а записанное слово остаётся на века. Я решил

записать историю своей деревни. Это будет даже не история в полном её понимании, а простой пересказ воспоминаний того, что я услышал от стариков, от своей матери, от других родственников, что сам в раннем детстве запомнил. Архивами или какими-то другими письменными источниками я не пользовался, поэтому рассказ мой будет в чём-то неточным, в чём-то спорным и, возможно, даже сумбурным.

На рубеже прошлого и позапрошлого веков со станции Котлас Архангельской губернии в далёкую неизвестную Сибирь отправились добровольные переселенцы, основное число которых составили коми-зыряне. Несколько семей осели в Томской губернии. Поселенец Василий Ефимович Юркин, бывший гренадер царской армии, довольно грамотный по тем временам, стал работать лесником, затем лесничим, но поссорился с начальством, и пришлось снова собираться в дорогу. К семье Юркиных примкнули ещё одна семья зырян Габовых и русская семья Сорокиных. Так эти три семьи оказались в Балаганском уезде Иркутской губернии. Место для новой деревни Василий Ефимович выбрал сам, и довольно неудачно – посреди густого леса, ни речки, ни даже родника. Название деревне – Шалонинск – дали, вероятно, новгородцы Сорокины в честь своей родной реки Шелонь.

Переселенцы быстро освоились, срубили себе небольшие избышки, вспахали залежи. У них даже были деньги для покупки коня и скота. С соседями, унгинскими бурятами, подружились.

Позже, в 1915 году, сюда приехали ещё три семьи новгородцев. Земля на их родной Новгородчине бедная, каменистая. Каждую весну при вспашке полей крестьяне собирали на пахоте камни и складывали их на межи. Кучи камней на межах росли, а из земли каждый год выходили всё новые и новые камни, меньше их с годами не становилось. Но и такой земли не хватало. Вот и ехали в Сибирь в первую очередь бедные семьи, в которых было много мальчиков, будущих земледельцев.

Там, на Новгородчине, в селе под названием Селище, жила хромая вдова Федосья с пятью детьми. Местные крестьяне должны были каждый год собирать барину по пять вёдер ягод с семьи, которые он выгодно продавал в Петербурге. В один год Федосья не смогла набрать ягод, а так как взять с неё было нечего, её в назидание другим били кнутом. В каком году это случилось – неизвестно. Вот и всё, что осталось в воспоминаниях из жизни наших предков на прежней родине.

Дочь Федосьи Матрёна вышла замуж за Андреева Андрея Андреевича, с ним нажили четырёх мальчиков и двух девочек. И вот, когда старшие дети повзрослели, вся семья по столыпинской реформе в «столыпинских» вагонах отправилась в Сибирь за лучшей долей. Железнодорожный состав сопровождал чиновник, давал указания, кому и на какой станции выходить. Так три новгородские семьи, сошедшие на станции Зима, оказались в селе Лихачёво, где жили в основном переселенцы с Украины. Четыре года не могли с ними ужиться. Как только новгородцы разработают поле или расчищают площадь под покос, украинцы силой отбирали у них эти угодья. И после очередной большой драки за расчищенное поле, где чуть не убили старшего из братьев Андреевых Савелия, все три семьи пошли дальше в тайгу к своему земляку Сорокину в Шалонинск. Их приняли и Сорокины, и зыряне. Расселили в своих избышках. Позже, когда все срубили себе по приличному дому, то удивлялись, как шесть больших семей могли уместиться в трёх маленьких избышках.

В деревне стали появляться новые семьи. Рядом с деревней отдельными хуторами поселились семьи латышей и немцев. Всех богаче в округе был хутор латышей. Он был построен как острог, все многочисленные хозяйственные постройки и жилой дом, всё было обнесено глухим частоколом из брёвен. Недалеко от острога-хутора они основали кладбище: пригласили священника и поставили высоченный лиственничный крест. Почти все умершие шалонинцы похоронены там. Латышские кресты отличались своей высотой. Один такой упавший крест на могиле семнадцатилетней Марии Людвиг, умершей в 1916 году, я смерил шагами – около шести метров. Но о кладбище отдельный разговор.

Началась гражданская война. Никто из шалонинцев не пошёл ни в Красную армию, ни в Белую, никто не стал ни партизаном, ни бандитом. Люди просто жили и трудились. Но остаться в

стороне им не удалось. В деревню регулярно наведывались вооружённые люди и брали всё, что им было нужно. Как в фильме «Чапаев»: «Белые пришли – грабют, Красные пришли – грабют. Ну куда бедному крестьянину податься?»

Однажды Матрёна Астафьевна пекла дома хлеб, все были в поле. Забежали вооружённые люди:

- Хозяйка, давай хлеб.
- Хлеба нету.
- Как это нету? А запах?
- Хлеб ещё в печке. Не готов.
- Доставай!

Достала. Они обрезали корки, обгрызли у булок края и опять куда-то на конях ускакали.

Настоящей трагедией для крестьян была потеря лошадей. Так у Андреевых несколько белогвардейцев, остановившихся в соседнем селе Васильевске, отобрали коня Малка. Ни уговоры, ни слёзы на них не подействовали. Они оставили свою заезженную, чуть живую кобылку: «Вот откормите – и будет вам лошадь».

Всей семьёй Андреевы за ней ухаживали, холили, не запрягали. Она быстро поправилась, и старший брат Савелий рискнул съездить в Васильевск для обратного обмена лошадей. Он рисковал потерять и эту кобылу, но к великой радости всей семьи вернулся домой счастливый верхом на своём Малке.

Грабили крестьян даже после гражданской войны. Был такой случай: бандиты собрались грабить Шалонинск и пригласили поживиться вместе с ними своего знакомого бурята, живущего недалеко от деревни на заимке. Он согласился, сказал, что приедет попозже, а сам, имея в Шалонинске друзей, на резвом жеребце ускакал в Балаганск. Конная милиция сработала оперативно: когда банда, загрузив телегу всяким барахлом, с песнями выехала за деревню, милиционеры с бандитами церемониться не стали, самого задиристого пристрелили на месте, а остальные, вмиг протрезвев, сложили оружие.

Я сказал, что никто из шалонинцев не участвовал в гражданской войне, но в деревне всё-таки оказался один партизан, Кузьма Егорович Габов. Это был один из переселенцев-зырян, которые остались в Томской губернии. Где-то там, под Томском, он вступил в партизанский отряд, с которым прошёл от Новониколаевска (Новосибирска) до Нижнеудинска, где их отряд был разгромлен. Кузьма тайком пришёл к брату Михаилу в Шалонинск и прятался около деревни в лесу. У Михаила в ограде на длинном шесте был скворечник, который стал маяком для Кузьмы. Если скворечник поворачивали лицевой стороной к солнцу, то партизан мог тайком прийти к брату.

Когда колчаковцы отступали, местные партизаны пытались на них нападать. Через Шалонинск шла группа партизан, и Кузьма к ним присоединился. Недалеко от улуса Тангуты партизаны напали на небольшой отряд каппелевцев, но неожиданно получили отпор. Простые мужики, плохо вооружённые, не обученные военному делу, не могли противостоять закалённым в боях кадровым военным. Второй раз партизаны ввязались в бой где-то под Зимой, около Ухтуя. Бой был длинным и тяжёлым. После него Кузьма вернулся домой и никогда больше не брал в руки оружия.

Кончилась война. В Шалонинск приезжали новые семьи. Кто не имел коня, нанимались на работу к бурятам, и к тридцатым годам в деревне, где было уже около пятнадцати семей, уже сами шалонинцы выращивали и стали продавать бурятам коней на мясо («Мы расейские, а расейские конину не едят»). Буряты охотно покупали молодых коней, как правило весной, и до осени пасли в степях, говорили, что от шалонинской лесной травы мясо было невкусным.

В деревне в то время не было ни кулаков, ни батраков. Если кто-то сам не мог управиться с делами, ему помогали другие в надежде на такую же ответную помощь в тяжёлую минуту. Был организован крестьянский комитет, ему выделили пять гектаров земли, на которых работали, как на субботнике. Собранный урожай по решению сельского схода безвозмездно раздавали и новосёлам, и многодетным, и другим нуждающимся. Дети росли, женились, заводили своих детей, все жители между собой стали родственниками. Все были довольны своей жизнью, и это

время считается у шалонинцев самым лучшим. Никто ничего менять не хотел.

Но жизнь кругом менялась. На шалонинцев уже начали коситься: это что такое, кругом колхозы, раскулачивание, классовая борьба и прочие прелести революции, а они живут как на другой планете. Раньше коммунисты писали: «Окрылённые великими идеями Ленина, крестьяне дружно вступали в колхоз». Сейчас демократы пишут: «Сталинские палачи стали силой загонять крестьян в колхоз».

В Шалонинске, видя, что жить по-старому им не дадут, на сельском сходе приняли решение организовать колхоз. Отныне деревня стала колхозом «Тайга». Колхоз получился довольно своеобразным. Например, всех коней держали на общем дворе, но на работу отправлялся каждый на своём. Если кому-то нужно было брать другого коня, обязательно спрашивали разрешение у бывшего хозяина.

Председателем выбрали молодого грамотного Харлампия Васильевича Юркина. Привилегий председатель никаких не имел, работал рядом с другими полный рабочий день, а если была необходимость заниматься колхозными бумагами, то «ночь, товарищ председатель, вся в вашем распоряжении, только утром на работу не опаздывайте». Даже контору не стали строить, она располагалась в колхозной хомутарке.

Зато в первый же год построили начальную школу. Приехала учительница, Ерсулова Екатерина Степановна. Днём учились дети, а вечером при свете керосиновой лампы – все остальные. Многие старики учиться не хотели, приходилось принуждать.

Первый фельдшер в деревне появился только в шестидесятых годах. А в довоенное время больные не обращались к врачам. Больница была далеко. Все болезни пытались лечить баней. Если человек вылечивался – баня помогла, если умирал – так Богу угодно было. Так умер, например, шестилетний мальчик Валера. У него стали распухать суставы. Его парили в бане, но ему становилось всё хуже и хуже. И вот в одну из тех страшных ночей, когда он не спал, а кричал от боли, у сидящей рядом матери сквозь слёзы вырвалось:

– Сыночек мой родненький, уж лучше бы ты умер, чем так мучиться.

Валера перестал кричать и вдруг радостно посмотрел на мать:

– Мама, мамочка! А давай вместе умрём.

Через несколько дней он умер. Его мать прожила более восьмидесяти лет, и по её завещанию, похоронена рядом с Валерой на кладбище, где уже полвека никого не хоронили.

Валеру не спасла даже Синафотиха (Мария Васильевна Семёнова). Была в деревне такая удивительная женщина. Я её помню, ей было уже за девяносто, а мне семь-восемь лет. Беззубая, седая, сгорбленная чуть не до земли, ходила с клюкой. В книжках рисовали такими ведьм. Я её сильно боялся, считал колдуньей. А это была простая добрая крестьянка, многодетная вдова, а Синафотихой её звали потому, что мужа, погибшего в Первую мировую войну, звали Ксенофонт, по-деревенскому произношению – Синафот.

Несмотря на тяжёлую вдовью долю, она никогда не унывала и не давала унывать другим. В войну женщины, получив похоронки, бежали к ней, и она умела их утешить. Все дети Шалонинска появлялись на свет с её помощью, а она не только роды принимала, но и крестила детей. Не знаю, насколько это крещение может быть признано церковью, но в деревне никто никогда не сомневался в правильности всего, что она делала. Кроме этого, она в деревне была и старостой, и врачом, и ветеринаром, и агрономом, и синоптиком, и основным консультантом по другим вопросам.

Колхоз богател, как и соседние хозяйства. После войны были введены ограничения – на трудодень давать не более двух с половиной килограммов хлеба, а до войны таких ограничений не было. Сеяли всего понемногу: пшеницу, рожь, ячмень, овёс, просо, гречку, рыжик, горох. Небольшая ферма, небольшая овчарня, пасека дополняли разнообразие стола.

Крестьяне быстро привыкли к колхозной жизни, и многие уже не считали прежнюю жизнь лучшей. Это в первую очередь молодёжь, ведь работать молодёжной бригадой куда веселей, чем в одиночку в личном хозяйстве.

Началась война. Всех трудоспособных мужчин, в том числе и председателя, мобилизовали. Созревших по возрасту – в действующую армию, кто постарше – в трудовую. Даже лучших

коней забрали. Но никто не роптал: всех сплотило великое горе. В первый же год войны с западных областей стали появляться беженцы. Они ходили по сёлам, побирались и рассказывали о войне.

Пришёл с войны первый инвалид, сын Марии Васильевны (Синафотихи), Василий. Видимо тяжёлая контузия дала о себе знать: он ходил по деревне и всем говорил, что скоро немцы дойдут до Шалонинска, ликвидируют колхоз, и он сразу же заберёт свой новый плуг. Его просили прикусить язык, уговаривали, пугали, но он и не думал молчать.

А потом, уже осенью, убил дикого гуся. Гусь, видимо отставший, долго кружил над деревней и громко кричал. Вот Василий и убил его из охотничьего ружья. Вся деревня осудила его за это, все посчитали это очень плохим предзнаменованием. Тем более, что его мать сразу сказала:

– Эх, Васька, Васька, что ты наделал! Ведь он же не зря прилетел. Он нам кричал какую-то плохую весть, только мы не поняли. А ты его убил. Плохо всё это кончится, плохо.

И действительно, за Василием ночью приехала милиция. Моя мать, в то время восьмилетняя девчонка, хорошо запомнила ту ночь. За окном прогрохотала телега, а её родители, глядя в окно, горестно проговорили:

– Всё, Василия увезли.

Братья ездили к нему в один из тайшетских лагерей, Василий к тому времени уже рассуждал здраво, чувствовал себя лучше. На прощание сказал братьям:

– Да, я сейчас понимаю, что говорил не то, что надо. Но ничего уже назад не вернёшь.

И домой он уже никогда не вернулся.

Основных работников в колхозе не стало, план сдачи хлеба увеличили. Что поделаешь – война. Колхозники с трудом сводили концы с концами. Но вот в 1943 году выдался небывалый урожай зерновых. Колхоз выполнил два плана по сдаче хлеба, а остатки были спрятаны у одного из колхозников – для последующей раздачи особо нуждающимся. Это было большим преступлением – укрывательство хлеба.

Я не идеализирую шалонинцев, но, если не считать незаконно репрессированных, в деревне никогда не было ни каких преступлений, никогда ни один житель не был судим. Кроме детских набегов на чужие огороды, не было воровства. А значит, не было и замков. Первые замки появились после войны. В магазин завезли огромную партию замков, которые все можно было открыть одним ключом:

– Сосед, дай мне твой ключ. Я свой не могу найти, домой не могу попасть.

А тут такое преступление! Но как милиция узнала о заначке? Уже в восьмидесятые годы один житель Шалонинска переехал жить в райцентр. Рядом жил бывший милиционер, он-то и рассказал всё. Жил в Шалонинске вместе со своим сыном один частник. Выполнял отдельные работы, гнал дёготь, столярничал, но в колхоз не вступал. Как это было возможно в то время – не знаю. Сына его взяли в армию, и сын погиб. Этот частник пришёл к председателю попросить муки и, видимо, ещё чего-то, чтобы организовать поминки по сыну. Председателем был приезжий из другого села простой мужик. И ответил он, видимо, тоже по-простому. Ведь председатель не мог без согласия колхозников давать хлеб кому-то, тем более не членам колхоза. И вот через несколько дней милиция прибыла в деревню.

Хлеб хранился у старого колхозника инвалида Первой мировой войны, отца восьми несовершеннолетних детей, что спасло его от расправы. А председатель получил десять лет лагерей. Домой он не вернулся. Хлеб забрали весь, даже со склада выгребли семенной фонд. Но главные беды колхоза «Тайга» были впереди.

Новым председателем колхоза прислали ярого коммуниста, рабочего из Иркутска Петра Удатова, абсолютно ничего не понимавшего в сельском хозяйстве. Он даже не мог различать семена ржи, ячменя, пшеницы. Но он был так предан делу коммунизма, что, возможно, если бы его партия назначила сегодня хирургом, то уже завтра он делал бы операции.

За несколько месяцев он обрушил колхоз в такую яму, что из неё колхозники выбирались несколько лет. Сейчас сложно сказать, почему он так сделал: по неопытности, по стечению обстоятельств, по указке сверху или из-за ненависти к «врагам народа». По его указанию весь

овёс, а это основной корм главной тягловой силы того времени – лошадей, был вывезен в село Камское. Надо помнить, что вокруг Шалонинска лес, покосов мало, да и трава лесная малокалорийна. Так что колхоз остался практически без фуража.

Колхозники пытались спасти весь скот, и это было их ошибкой. Но скорее всего они понимали, что спасти всех не удастся, но ликвидировать часть скота не разрешил председатель. Первыми погибли овцы. Утро колхозников начиналось с того, что поднимали на ноги обессиленных коров. Но и они не дожили до новой весенней травы. Ни одна.

Остатками кормов и собранными на проталинах клочками соломы пытались сохранить хотя бы лошадей. Но те едва держались на ногах. Когда подошла пора пахать, в поле вышел один трактор-«колесуха». Трактористы были на фронте, поэтому на нём работали две девушки, две Веры. Они плохо разбирались в технике, и больше ремонтировали, чем пахали. Фары отремонтировать не смогли, поэтому в ночное время впереди трактора всегда бежал человек с керосиновым фонарём. Даже пахали так.

Пытались пахать и на лошадях. Но лошади падали прямо в борозде. Помимо самого пахаря, рядом с лошадью шёл подросток, который почти беспрестанно бил её прутом. Для детей эта работа была сильнейшим стрессом, но по-другому лошади не шли. Когда один раз председатель подошёл посмотреть, как работает пахарь, девочка, бившая коня прутом, с горечью сказала:

– Прости меня, Карька, что я тебя хлещу. Хлестать-то не тебя надо, а нашего председателя.

Председатель резко развернулся и ушёл.

В деревне начался голод. Вся надежда была на свои огороды, в первую очередь на картошку. Расейские уже были рады и конине. Так как посевная была сорвана, хлеб не получили ни фронт, ни государство, ни колхоз, ни колхозники. Помощи ждать было неоткуда. Выживали кто как мог: собирали ягоды, грибы, вили из конопли верёвки, плели корзины и всё это меняли на продукты, в основном, в соседнем Васильевске. Васильевск в войну голода не знал, их председатель Ковшов, у которого были кругом знакомства, сумел сделать так, что все самые работающие мужики и все специалисты в срочном порядке стали «инвалидами».

Но в колхозе «Тайга» ситуация была, в общем-то, не такой уж и безвыходной. Можно было её «разрулить», если бы слушали стариков, которые бывали и не в таких передрыгах в неурожайные годы. Но кто будет слушать этот отсталый беспартийный элемент? Ведь партия – наш рулевой. Вот и дорулили. Удатов, фактически уничтожив колхоз, укатил в Иркутск за новым партийным заданием.

А в Шалонинск прислали нового рулильщика, Носырева. С ним приехал его племянник со своими восемью детьми. Дети называли Носырева «дядя Чима», и вся деревня стала называть его так же. Дядя Чима, увидев, в каком состоянии находится колхоз, вскоре сбежал, а его родня, найдя общий язык с шалонинцами, осталась. Голод их не испугал.

Тут наконец-то колхозникам разрешили самим выбрать себе председателя. Выбрали своего, Кирилла Глебовича Бойцова. Колхозу дали несколько низкорослых монгольских лошадок. Жить колхозникам стало чуть легче, но только чуть.

Деревня стояла в густом лесу, поэтому дикие козы подходили близко и становились лёгкой добычей. Особенно весной, когда снег в лесу покрывался тонкой коркой льда. Козы, убегая от собак или волков, пробивали эту корку и льдом резали ноги. А собаки и волки бегали по льду мягкими лапами, не ломая его. И давили коз. Колхозники в такую пору шли на охоту без ружья, которого у большинства и не было, только с собаками. Мясо коз в какой-то мере помогало многим в пропитании.

Волков было тоже очень много, но им, видимо, хватало коз, поэтому не было ни одного случая нападения на людей. С моей матерью случился удивительный случай, который она запомнила на всю жизнь. С младшей сестрой она через лес возвращалась из школы, из соседней деревни за семь километров. Поднялись на один бугорок и обомлели: в низине прямо на дороге лежали три волка. Убегать – значит спровоцировать волка на погоню. Да разве от него убежишь? Сёстры это хорошо знали, поэтому стояли в оцепенении и смотрели на хищников. А хищники на них.

Стояли долго, а может им так только показалось. Наконец один волк встал и побрёл в

сторону от дороги по брюхо в снегу, два других последовали за ним. Они отошли от дороги не более чем на семь метров и сели. Сёстры потихоньку пошли вперёд. Пройдя мимо волков, они забыли про все правила, которым их учили взрослые, и бросились бежать, насколько хватало сил. Опомнились они только в деревне и только там посмели оглянуться. За всё время существования деревни было только несколько случаев нападения волков на домашних животных. На людей нападений не было. Видимо поэтому детей в школу взрослые никогда не сопровождали. И не было такого понятия – отменить занятия из-за непогоды.

Но вот кончилась война.

Больше половины солдат не вернулось. Два шалонинца не вернулись с трудового фронта, на военном заводе в Улан-Удэ. Все воевали храбро, но никто особо не отличился. Никто, кроме Петрова Александра Симоновича. Он всю войну прошёл в разведке, но когда он начинал рассказывать о своих подвигах, другие фронтовики поднимали его на смех. Дело в том, что в Шалонинске не было речки и никто никогда не умел плавать. А Петров прошёл всю войну разведчиком, так и не научившись плавать. Кто ему поверит?

Никогда он больше о себе ничего не рассказывал, но обидное прозвище Смелка приклеилось к нему на всю жизнь. Незадолго до его смерти моя мать как депутат сельсовета переписывала к празднику Победы всех фронтовиков, их документы и была поражена количеством его заслуг и наград. Он ничего не врал, просто его истории были так невероятны, что в них трудно было поверить. Я подростком слышал только один его рассказ, как он чуть не утонул в Шпрее. Он разговаривал с моим отцом, а я сидел рядом и слушал.

Колхоз поднимался с колен. Появилась техника, закупали скот, от голода остались только жуткие воспоминания. В пятидесятых годах несколько малых колхозов, в том числе «Тайгу», объединили в один большой совхоз. И начались сплошные эксперименты партии над селом. То все подряд стали выращивать кукурузу, то вдруг, когда в сёлах у крестьян на личном подворье появилось много скота, ввели ограничения. Урезали огороды, разрешили иметь только одну корову, только одного поросёнка. Посчитали, что так крестьянину будет сложнее содержать семью, появится больше свободного времени и он с удвоенной энергией бросится работать на государство. Но, увы, никто особого рвения не проявил, зато наружу стали вылезать другие проблемы: пьянство, воровство. Ведь крестьяне в совхозе стали рабочими, а рабочего не очень-то волнует конечный результат труда: чем меньше урожай, тем меньше мороки на уборочной. Зарплату всё равно получишь.

И вот провели очередной эксперимент, который и уничтожил нашу деревню. Кто-то подсчитал, что если жителей маленьких поселений собирать в большие сёла, то получится огромная экономия средств. Только на одной инфраструктуре какая экономия! Прямого указания собирать пожитки и уезжать никто не давал, да и не мог дать. Но добровольно покидать малую родину никто не хотел. Власти действовали по-другому: для начала из Шалонинска убрали ферму, конюшню, кузницу, птичник, вывели всю технику. Жители всё равно не уезжали, стали ездить на работу в соседнее село. Убрали магазин, медпункт, только что отстроенный просторный светлый клуб разобрали и увезли. Люди научились обходиться и без этого.

И, наконец, отключили свет и закрыли начальную школу. Без этого уже люди не могли жить и начали все переезжать в другие сёла, а многие даже уехали в город. И только три семьи из тридцати трёх, числившихся в Шалонинске, переехали в то село, в которое по плану властей должны были переехать все. Переселение затянулось на четыре года, а две семьи оставались там жить и дольше.

Даже когда деревни не стало, никто никогда не забывал малую родину. Разъехавшиеся не сговаривались, но как-то так получилось, что каждую Троицу они стали приезжать на свою родную землю. Стало традицией: сначала все едут на кладбище, до сих пор хорошо сохраняемое, поминают умерших, а потом отправляются на красивый луг, место, где когда-то стояла деревня, достают гармошку, и начинается деревенская гулянка. В первые годы число приезжавших доходило до ста, но за полвека всё изменилось. Бывших жителей стало приезжать всё меньше и меньше. Исчезла гармошка, исчезли песни. В последний раз приехало всего семь человек. Значит, эта традиция скоро исчезнет, как исчез и сам Шалонинск.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Лето. Троица. Луг предо мною –
Аккуратный зелёный квадрат.
А вокруг его плотной стеною
Молодые берёзки стоят.

Изумрудного цвета картина
В обрамленьё лазурной дали.
Возвращение блудного сына
На родной островочек земли.

Не был я в этом месте давненько,
Сразу вспомнилось детство моё.
Здесь когда-то была деревенька,
Уж полвека как нету её.

И кому ж она так помешала,
Что её приказали снести?
А таких деревенок немало
Растеряла Россия в пути.

И хотя был народ недоволен,
Целый мир безвозвратно исчез.
...Только ветер гуляет на воле,
Только глухо волнуется лес.

Грусть мне сердце тисками сжимает,
Радость в сердце бушует моём.
Только разве такое бывает,
Чтоб они уживались вдвоём?

А сейчас они вместе сольются,
Не бывало того отродясь.
Но бывает же – плача смеются,
И бывает же – плачут смеясь.

В полусне непонятном каком-то
Повстречался я с детством своим.
И не видел я здесь горизонта,
Только лес, только небо над ним.

А простор открывался за лесом,
Где луга, сенокосы, поля.
Там гулял я, с большим интересом
Познавая, какая земля.

Мир вокруг бесконечен и вечен,
А Шалонинск сгорел без огня.
Он на картах теперь не отмечен,

Он отмечен в душе у меня.

И ЭТО ВСЁ О НАС...

Рассказ

– А эта книга тебе на память, – отец Александр протянул мне сборник стихов иеромонаха Романа. – Теперь у вас будет другой батюшка. В Епархии обещали его на днях прислать.

Отслужив в нашем храме Преображения Господня четыре года, Отец Александр возвращался к себе на родину. Теперь он живёт в ста километрах от Чёрного моря и, кажется, не скучает по нашему небольшому пятитысячному посёлку, затерянному где-то в далёкой Сибири.

Обещанный батюшка так и не приехал. Наш приход остался на несколько лет без священника. Мы сами проводили службы, читали псалмы, пели на клиросе. По большим праздникам у нас служил священник из другого прихода, но, в основном, мы все службы проводили сами.

Постоянных прихожан было человек пятнадцать. Много людей приходило только на праздники, которые совпадали с выходными. И вот мы стали по очереди дежурить в церкви, по три часа каждый будний день. Дежурили только пенсионеры, у них было свободное время.

Мне достались понедельник. В первое дежурство я пришёл в храм при галстукке. Но это не помешало первой же приехавшей из дальней деревни женщине спутать меня, хоть я и без бороды, с батюшкой:

– Здравствуйте, это вы батюшка?

Заходившие в храм люди поражали иногда своим неведением простых, казалось, вещей. Я и сам не отличался, да и сейчас не отличаюсь особыми познаниями в церковных делах. Это всё приходит со временем.

Женщина сказала, что в деревне одна старушка попросила её в церкви купить угольки. Чего-чего? Угольки? А мы сами отапливаемся от электричества. Но раз люди просят угольки в церкви, значит, это не каменный уголь и не уголь из печки, а что-то другое. Уточняю:

– А может, она просила ладан?

– А может, и ладан...

* * *

Посетителей приходит мало. Делать нечего, сижу, вспоминаю, как пришёл в церковь на крещение дочери друга. В церкви я из любопытства уже бывал не раз, но в качестве крёстного пришёл впервые. Это было в далёкие восьмидесятые. Мы все совсем молодые, и родители и крёстные, приехали в храм Знаменского монастыря. Крестили в тот день более двадцати детей. Построили нас полукругом, стоим, ждём, детишки капризничают, кричат.

И вот выходит священник, как мне показалось, не в лучшем расположении духа, и обращается к первым же крёстным с вопросом:

– Где родился Иисус Христос?

Крёстные, по всему видно – молодые комсомольцы, растерянно переглянулись:

– Не знаем.

– До свиданья. Отойдите в сторону, а родители с ребёнком останьтесь.

Подходит к следующим:

– Где родился Иисус Христос?

– Не знаем.

– До свиданья. Отойдите в сторону, а родители останьтесь.

Подходит к третьим. Тот же вопрос, тот же ответ. И идёт батюшка вдоль нашего строя, так и не услышав, где же всё-таки родился Господь. А я стоял последним в этой очереди незнаек и поражался, как же они до сих пор не знают, что Христос родился в Иерусалиме. Вот подойдёт ко мне батюшка, я им всем нос утру.

Вот подходит батюшка к стоящему передо мной парню, а за ним уже моя очередь отвечать

на этот простейший вопрос. Я приготовился.

– Где родился Иисус Христос? – вопрос парню.

И парень, гордо взглянув на толпу стоящих в стороне крестных, громко отвечает:

– Иисус Христос родился в Иерусалиме!

– Нет. До свиданья.

И тут же мне:

– Где родился Иисус Христос?

– Н-не знаю...

– До свиданья, – это он мне, а следом нам всем: – И чему вы собирались учить этих детей, если даже не знаете, где родился Иисус Христос? А ведь я задал вам всем всего один и самый простой вопрос. Христос родился, запомните, в Вифлееме.

И приступил к крещению детей.

* * *

Я стеснялся ходить в церковь, и тем более молиться. Хотя никогда не состоял ни в партии, ни в комсомоле. Когда комсорг на работе, как говорится, взял меня за жабры – «Ты что, против коммунизма?» – я сказал, что не знаю, что такое коммунизм. «Ах, не знаешь!» – И меня отправили в Университет марксизма-ленинизма. Вот так просто, без каких-либо документов, с одной бумажкой-направлением или рекомендацией от парторга цеха. Мне было интересно, и я охотно пошёл на три года учиться вечерами, не зная на кого.

Помню, как однажды отказался сопровождать свою престарелую родственницу на молебны какой-то секты. А вдруг меня кто из знакомых увидит, узнают друзья, коллеги. Вот позор! А мне было интересно узнать, что за молебен в лесу состоится и почему там будет много молодёжи, как говорила родственница. Но я так и не решился сопровождать её, а она не решилась ехать одна.

Какие-то старушки, узнав, что она в преклонном возрасте, живёт одна и постоянно болеет, стали её посещать и проводить с ней беседы. Ей это их участие было приятным, на душе у неё становилось легче, и она начинала приобщаться к их секте. Но всё прекратилось, когда ей сказали, что «нельзя смотреть телевизор и надо сжечь икону». Как перестать смотреть телевизор, когда сидишь дома одна? Если там что-то идёт непотребное - выключи. А сжечь икону, которой мать благословляла, которая передаётся из поколения в поколение – это же кощунство! «И чтоб вашего духа здесь больше не было!» – таков был окончательный ответ.

Но на этом мои встречи с сектантами (они, кстати, не любят слово «секта») не кончились. Вспомнилось, работал лесником, и вызывает меня лесничий:

– Значит так, питомник с саженцами сосны зарос сорняками. Сейчас подъедут люди на уазике, садись с ними и – в питомник. Будешь у них за бригадира. Питомник должен быть чистым.

Стою жду, и тут подъезжают молодые парни с гитарой. Вот тебе и полольщики – ансамбль песни и пляски! Приезжаю с ними в питомник. Ну, думаю, как обычно, сначала затяжной перекур, и я за это время объясню им, что к чему. А парни прямо с машины и – за работу. Да как работали! Я еле за ними успевал, стыдно ведь бригадиру отставать или просить о перерыве на отдых.

И вот ровно в двенадцать часов дня они попадали на колени и начали молиться на небо. Наконец-то хоть отдохну. Но отдыхать пришлось минут десять. И опять сумасшедшая гонка за молодыми и здоровыми.

Эх, лучше бы с работниками предприятий работать: те перекуры соблюдают строго. Но ещё лучше с детьми, те поработают полчаса и кричат, что устали. А объявишь перерыв – бегают по лесу, играют в догонялки до тех пор, пока действительно не устанут.

О, наконец-то, пришло время обедать! Пообедали, и вот тут-то достали парни свою гитару и запели. И как пели! Я никогда в жизни не слышал ни таких песен, ни такого исполнения. Пели не молитвы, а простые песни о Боге, о людской доброте, о чистой любви. Я, забыв про всё, сидел и замороженно слушал.

И снова прополка без усталости и отдыха, а для меня – гонка на выживание.

Было видно, что этих ребят с детства приучили к труду. Это были адвентисты седьмого дня. Года два рядом со мной в подъезде жила молодая семья с годовалым ребёнком, тоже адвентисты из Братска. Глава семьи стал руководителем у наших немногочисленных (человек пять) приверженцев этой веры. Соседи всей семьёй, прихватив гитару, ходили на свою службу в Красный уголок одного из поселковых предприятий.

Однажды в их квартире сварщики проводили какой-то ремонт, и женщина с ребёнком на руках пришла переждать этот аврал к нам. Мы с ней разговорились, и она мне поведала на своём примере, как у них идёт воспитание детей. Ей с малых лет тётя рассказывала содержание Библии. И рассказывала так увлекательно, как волшебную сказку. Девочка была в восторге от этих сказок, и даже сейчас постоянно читает Библию, уже по-серьёзному, но находясь всё в том же детском восторге. Вот так и надо воспитывать детей – неназойливо, целеустремлённо и с самых ранних лет.

* * *

Наша Преображенская церковь небольшая, бревенчатая, как из прошлого, хотя ей всего десять лет. А я помню церковь деревянную, действительно из прошлого века, что стояла в бурятском улусе Зунгар, я в детстве там жил. О её высоте можно догадаться, сравнив со стоящей рядом школой, ведь церковь не может быть ниже. Школа – высокая, просторная, добротно срубленная из лиственницы – и сегодня стоит в центре улуса, украшая его, там сейчас размещён спортзал. Построили школу полтора века назад на деньги богатого бурята. Это была первая в России гимназия для бурятских девочек.

Я смотрю на полуразвалившееся здание церкви, которая после революции была и клубом, и детским садом. Представляю, какой просторной и красивой она была раньше.

От моего прадеда, жившего рядом с Зунгаром в русской деревне, сохранилось воспоминание, а я слышал его от матери, о том, как к нему заезжал знакомый зунгарский бурят и рассказывал о завершении строительства этой церкви. Чтобы начать службы, оставалось только купить для священника облачение. Бурят плохо говорил по-русски, и у него получилось так:

– Церковь уже достроили, осталось только купить сбрую на попа.

В деревянных скромных сельских церквях есть какое-то загадочное обаяние. Сажу у небольшого окна и смотрю в улицу.

Напротив – мечеть, метрах в тридцати, и получается так, что они стоят почти дверь в дверь. Между ними небольшая площадка, что-то вроде стоянки для машин. Православные и мусульмане у нас живут дружно. Иногда в свои праздники берём друг у друга столы. Как-то летом в мусульманский праздник иду в церковь на дежурство, а площадь уже заполнена машинами нарядных мусульман. Они собрались в кружок и о чём-то громко беседуют на незнакомом языке. Я, проходя мимо, их поздравили:

– С праздником вас!

И хотел пройти мимо, но один старик повернулся ко мне:

– Спасибо. А побеседовать?

– С удовольствием.

Он подошёл ко мне и, внимательно глядя мне в глаза, сказал:

– Я чеченец.

Он следил за моей реакцией на эти слова, а я спокойно и вежливо ему ответил, как считал нужным:

– Это вы по ту сторону Урала разбирайтесь, кто у вас чеченец, кто русский, кто татарин и кто еврей. А здесь Сибирь, здесь есть только две нации, одна – это нормальные мужики, а вторая – это ублюдки. И каждый сам делает выбор.

Я, конечно, сказал не «ублюдки», а другое слово, которое вообще нельзя произносить, тем более возле Божьего храма. Прости меня, Господи!

Старик засмеялся:

– Вообще-то, у нас в Чечне точно так же.

И он мне стал объяснять, кто настоящие мусульмане – честные, доброжелательные,

уважающие другие конфессии, а кто искажает ислам, позорит имя мусульманина.

– И русские у нас строят хорошие церкви, – продолжал старик. – Кстати, наши русские, что живут в Чечне, отличаются от русских, что живут здесь. Наши культурнее: они никогда не будут на ходу курить или, тем более, на ходу пить пиво. Они не пьют водку где попало и как попало. У нас в Грозном на весь город всего два винно-водочных магазина, но очередей там не бывает.

В это время мусульмане стали заходить в мечеть, старик пригласил и меня. Мне очень хотелось продолжить беседу, посидеть с ними, но нужно было открывать церковь.

Не только церковь и мечеть есть в нашем посёлке, где почти половина населения буряты, в двухстах метрах от нас стоит буддийский дацан. Лама не только служит, но лечит больных средствами тибетской медицины. Лечит довольно успешно, к нему постоянная очередь из больных, причём не только бурят, но и русских. Батюшка всем православным разрешал лечиться у него, брать лекарственные порошки, получать массаж. Нельзя было только участвовать в чужих обрядах, читать чужие молитвы.

* * *

Отпираю ключом церковь и слышу: сзади кто-то подъехал. Оглядываюсь. Шикарная иномарка, в которой сидит пожилая интеллигентного вида пара. Нарядная женщина опускает стекло и спрашивает меня:

– Извините, это вы Далай-лама?

Я чуть не выронил ключ. Я открываю церковь, на которой крест. Крест! Так и хотелось связывать:

– Да, это я и есть сам Далай-лама. Только что прилетел из Тибета ради встречи с вами.

Но сдержался и спокойно ответил:

– Проезжайте чуть дальше, увидите дацан. Там и служит лама, но просто лама, без всякого Далая.

Ходят в церковь и буряты, среди них немало православных. Но приходят иногда и не крещёные. Странно бывает слышать:

– Нам шаман сказал поставить свечку за умершего Сергея. Сергей был православным.

Среди бурят много шаманистов. В двух километрах к северу от посёлка возвышается священная для них гора Хашхай. На вершине её рядом с дорогой – сакральное место, деревья все в ленточках-залаа. Даже водители из дальних мест, проезжая здесь, бросают монету. Русские тоже обращаются за помощью к шаманам.

Как общался с бурятскими богами-бурханами мой знакомый журналист из соседнего района, я узнал из его книги. Он с друзьями поехал на берег Братского водохранилища порыбачить, а дорога идёт через наш район, и как раз мимо бурятских сакральных мест. Они слышали, что на этих местах надо бурханить, иначе удачи не будет. Бурханить иногда значит капать – налить в стопку спиртное, немного отлить на землю и чуть пригубить или немного отпить. Не много...

Но рыбаки так хотели задобрить местных богов, так «бурханили», что к заливу приехали только ночью и в изрядном подпитии. Всё, боги задобрены, рыбу теперь можно хоть лопатой черпать. Сразу же развели костёр, стали палатку ставить, можно будет и уху скоро готовить. Дело за малым – наловить рыбы.

Но как ни старались рыбаки – и ходили с бреднем, и лучили, – а рыбы нет. Так и легли спать, не поймав ничего. А утром выглянув из палатки, сначала опешили, а потом расхохотались. Оказывается, они всю ночь ловили рыбу в огромной луже, оставшейся от залива, а до залива они не доехали. Вот так Бурханы посмеялись над ними.

Около половины населения посёлка атеисты. Иногда приходят в церковь люди, в искренности которых сомневаешься. Так, молодой парень, армянин, приходил, когда никого, кроме дежурного, в церкви не было, и молился. Иногда оставался поговорить с дежурным. Его рассуждения о Боге, о вере часто были такими странными, что казалось: а верит ли он в Бога в действительности? Но однажды все мои сомнения улетучились, когда он сказал:

– Люди, когда помрут, сильно удивятся, что Бог есть на самом деле. Они-то думали, что

Бога нет, а Он вот – перед ними.

Много разных людей приходило в церковь, и много было дней, когда сидел всё дежурство один. И вот однажды после литургии мне сообщают приятную новость: скоро к нам приедет постоянный батюшка. Эта новость приободрила всех прихожан, и мы с нетерпением стали ждать своего нового батюшку.

Сижу дома, смотрю телевизор. Стук в дверь, открываю. На пороге знакомый парень стоит, а вернее, еле стоит – до такой степени пьян.

– Во, дядь Саня, глянь.

И протягивает мне чётки. Я ничего не пойму:

– Чётки? Нашёл или купил?

И он делится со мной своей радостью:

– Дядь Саня, я сегодня крестился на мусульманина.

– Что?!

– Я, дядь Саня, грю, что сегодня на мусульманина покрестился.

Оказывается, он принял мусульманскую веру, а точнее, теперь он ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. И уж точно никакой он не мусульманин, хоть и «покрестился» в мечети. Я знал, что переубедить его, тем более пьяного, – бесполезная трата времени. Да и поздно уже, дело сделано. Поэтому у меня для него нашлось только одно слово:

– Поздравляю.

А сегодня радостный день: наш новый батюшка, Отец Владимир, проводит первую службу. Я иду к церкви в приподнятом настроении и ещё издали слышу радостные возгласы прихожан:

– Ура! У нас теперь будет свой, постоянный батюшка!

СТАВЕНКИ РЕЗНЫЕ

Рассказ в стихах

*Помоги мне, Правый Боже, мне, отпетому лентяю,
кто и лоб-то перекрестит, если только грянет гром.
В церкви редко я бываю, книг церковных не читаю,
лишь сижу да жму на кнопки: что на Первом?.. На Втором?*

*Помоги мне, Правый Боже, помоги осилить тему,
написать свежо и честно всё, что было, всё, что есть.
Дай издателю желанье поскорей издать поэму,
а читателю терпенье до конца её прочесть.*

Купол неба синий-синий, чистоты первоначальной. За саянские вершины задевают облака. А восточней гор в долине, кобылицею хрустальной выбегает на просторы непокорная река. И бежит, бежит на север – а поток холодный, свежий, – собирает воды речек и ручьёв долины всей. Где-то там, за лесостепью, край таёжный, край медвежий, где гуляет златогривый величавый Енисей. Смотрят горные вершины, если ясная погода, на большой губернский город, что вознёсся над рекой. С каждым годом он всё больше, красивее год от года, деревянный славный город, на весь мир один такой.

В тот далёкий день осенний за туман уплыли горы, в тот далёкий день осенний облетал окрестный лес. Осень жёлтою печалью укрывала тихо город. То с небес светило солнце, то вода лилась с небес. В славном городе Иркутске, по сибирским меркам – старом, купола церковей смотрели в воды чистой Ангары, каблуки стучали дробно по дощатым тротуарам, где-то звонко пели пилы и стучали топоры. Это плотники трудились. Подошла к концу работа. Собирают в кучу стружки и обрезки от стропил. Кто-то песню напевает, закурил махорку кто-то. К окнам ставенки резные старый мастер прикрепил. Отошёл, полюбовался: да, красивые узоры. Сам

придумал те узоры, сам узоры вырезал. Пусть теперь украсят окна, пусть притягивают взоры, как хозяйка попросила, как хозяин заказал.

А хозяйская девчонка рядом с мастером вертелась, с восхищением смотрела на окошки, стены, дверь. Всем прохожим и проезжим ей похвастаться хотелось, что в таком красивом доме будет жить она теперь.

– Глянь на ставни, непоседа, их потом покрасить нужно. Белый голубь сел на ставню. Эти голуби к добру. Так что с Богом заселяйтесь и живите дружно-дружно... Положи топор на место, а то уши надеру!

Отскочила, засмеялась, убежала непоседа. Знала: мастер очень добрый, хоть и строгое лицо. А потом пронаблюдала из-за дворика соседа, как, замкнув их домик, мастер положил ключ под крыльцо. Тем ключом открыла двери. В доме тихо, уютно. Планы строит: здесь, возможно, будет новая стена, здесь сундук, там столик будет, а вон там – её кровать. Нет, кровать пусть поставят возле этого окна. В эту щель, за подоконник, спрячет все свои копейки, тут шкатулочку поставит, тут – коробочку для лент.

И увидела в окошко, как подходит к их скамейке с молодой красивой дамой в новой форменке студент. Но была скамейка мокрой, вся в веснушках свежих стружек, потому они не сели, а стояли у окна. Дама нервно теребила воротник из тонких кружев. Речи сбивчивые парня молча слушала она: что сражён стрелой Амура... нет, стрелой Купидона, что уже собрался сватать (согласился бы отец), что возьмёт её в Успенье из родительского дома, что на Тихвинской построит белокаменный дворец.

...А девчонка скоро станет всех красивее на свете и постигнет тайны тонких и изысканных манер. Вот тогда за ней приедет при погоне и в карете самый храбрый и красивый, самый бравый офицер. Да, конечно, так и будет, будет всё на самом деле. Случай тот ей часто снился и покоя не давал, снились тайные признания, когда ставенки скрипели, и на ставенке тихонько белый голубь ворковал.

Вот прошло десятилетье, и эпоха на изломе. Стала девушкой девчонка, только жизнь пошла вверх дном. Как отец и мать погибли, так одна осталась в доме. Чёрный ворон на заборе, белый голубь за окном. Как сейчас весенним палом по лесам идут пожары, так тогда в начале века полыхала вся страна. Только жгли не лесорубы – жгли Россию комиссары. По губернии пожаром шла гражданская война. В ту годину от окраин, от дымящихся околиц к дому – ставенки резные шёл подругу повидать самый преданный и храбрый, самый бравый комсомолец, кто за светлую идею мог чужую жизнь отдать.

– Что же мне с тобою делать, с беспросветной богомолкой? Выходи, давай присядем под окошко на скамью. Верю я – ты скоро станешь самой лучшей комсомолкой, и с тобою мы построим комсомольскую семью. Руку, сердце комсомольца я тебе не предлагаю, всё, что в жизни я имею, только с партией делю. Но люблю тебя так сильно... даже с чем сравнить не знаю... Я тебя как мировую революцию люблю. Как счастливыми всех сделать, мы давно и твёрдо знаем. Ради этого воюем, ради этого живём. Чтоб счастливыми все были, несчастливых расстреляем и счастливою коммуной к коммунизму поплывём. Мы громадный дом построим, будет в доме всё для жизни, всей коммуной в этом доме будем жить, любить, дружить. Но пока что дома нету, и живём не в коммунизме, так что временно придётся в этом домике пожить. Ой, гляди-ка, голубь белый прилетел и сел на ставню, мне будёновку изгадил, на звезду мне угодил. Жаль, сегодня я не в форме – дома маузер оставил. Я бы в этакую контру всю обойму бы всадил.

Так вот просто и сосватал комсомолец богомолку, так сошлись они и жили восемь лет в одной избе. Но в угаре пропаганды богомолка сбилась с толку, и уже не богомолка – новый член РКП(б). Голубь их покинул сразу, только свадьба состоялась. Словно парус в синем море, плыл по небу не спеша. Улетел и не вернулся, а хозяйке показалось, что не голубь дом покинул, а покинула душа. Комсомолец стал чекистом, активистом, коммунистом. Подлецов – врагов народа он немало порешил. И при этом оставался самым честным, самым чистым. Но однажды в пьяном виде он ошибку совершил.

Он всю ночь сидел, ругался. Громко, чтоб жена не спала. Конфискованную водку пил до

утренней зари. «Слышь-ка, яловая баба, что-то в доме тесно стало. Собирай-ка свои шмотки да суши-ка сухари».

А жена лежала тихо и его не унимала, поняла нутром, что надо ей не дом, а жизнь спасать. И решила: в Руководстве у него врагов немало, значит, есть надежда выжить, надо только написать. Как чекисту доверяли! Всё узнали лишь случайно. Хорошо, жена открыла сущность подлюю его: что ведёт игру двойную, замышляет что-то тайно, что однажды рассказал ей анекдот про САМОГО. Что его родной племянник (есть свидетели, проверьте) за Аргунь, на правый берег, с беляками убежал. Он в бою под Черновскою есаула спас от смерти. Атаман Семёнов лично ему руку долго жал.

Через день чекист случайно всё узнал про это дело. Он туда-сюда метнулся, и везде ему отказ. Но в тюрьме во всём признался, потянул на два расстрела. Суд всегда в Иркутске добрый – расстреляли только раз. Так она одна осталась. В доме страшно ей, не спится. Чтоб отвлечься, окунулась в круговёрть партийных дел. Всё надеялась, что скоро белый голубь возвратится, только что-то белый голубь возвращаться не хотел.

По траве несётся время, по дождю, по белу снегу. А река течёт всё так же через горы и леса, ломовой кобылой тянет непонятную телегу, у телеги той плотины, как четыре колеса. На телеге столько грязи! Этой грязи – воз не мерен. Стоки, сбросы предприятий, что оставил нам Союз. Ждёт её на лесосеках Енисейко – сивый мерин, у него арба большая, и на ней такой же груз. Так прошла пора застоя, пролетела перестройка, но не ведают покоя наши мудрые вожди. Ты зачем назад несёшься, мчишься птицею, Русь-тройка? Тишина... И снова осень, листопады и дожди. Старый домик догнивает. Где вы, люди-человеки? Потрудитесь – домик станет всех строений красивей. По стеклу стекают слёзы, ставни хлопают, как веки, отгоняя птиц пугливых от наличников-бровей.

Вышла бабушка во дворик. Небо хмурое над нею. И скрипят, скрипят шарниры ставень старого окна. У неё болят суставы и скрипят ещё сильнее, только их никто не слышит, слышит их она одна. Кое-как пошла в контору. Благо, что контора рядом. Достает свои бумажки, вся от холода дрожа. На неё взглянула тётя и таким взглянула взглядом, сразу видно – не товарищ, сразу видно – госпожа:

– Снова эта коммунистка к нам пришла с утра пораньше. Дом ваш место занимает, так что нечего просить. У Гайдара денег нету, чтоб чинить хламину вашу. Вас давно уже списали, вас давно пора сносить.

Молча слушала старушка, не посмела вставить слово, забрала свои бумажки, с чем явилась – с тем ушла. Да, в Сибири места мало, негде дом поставить новый, дом по типу «гроб хрустальный» из бетона и стекла. Возвращается старушка, поздоровалась с соседкой, дома к зеркалу присела, сняв промокшее пальто. И вдруг ясно осознала, ощутила каждой клеткой, что её уже списали, что она уже никто. Посидев, пошла в кладовку. Там футляр от патефона. В нём среди её игрушек – кукол, тряпочек, коней – сохранилась небольшая деревянная икона. И заплакала старушка, и упала перед ней. Не забытые молитвы зашептали губы с дрожью, и пошёл рассказ несвязный про её житьё-бытьё, и о чём-то всё просила, умоляла Матерь Божью. Богородица молчала, с грустью глядя на неё.

В славном городе Иркутске в тот осенний день ненастный солнце то уйдёт за тучу, то проглянет на момент. Шёл там с книжкой подмышкой самый-самый несчастливый, самый-самый позабытый-позаброшенный студент. А стипендии лишили – значит, он и самый бедный. И кругом одни несчастья – где ни ткни, куда ни глянь. Комендант у них в общаге до того попался вредный, аспирант такой противный, а декан – такая дрянь. И девчонки не любили: мол, прыщи кругом по роже и залысины большие. Парень – не на что глядеть. «На себя б вы посмотрели, на кого вы все похожи!» Возле домика решил он на скамейке посидеть.

В это время шла студентка от предместия Марата. Из-за внешности невзрачной кучу комплексов несла. Ведь была она сутула и немного конопата да (по нынешним стандартам) полноватая была. Шла с тетрадкой подмышкой, шла тихонько, размечталась: вот бы вывести веснушки да немного похудеть. Набродилась, нагулялась и, почувствовав усталость, возле

домика решила на скамейке посидеть. На другом конце скамейки паренёк сидел понуро, а на пальцах надпись «Женя» даже издали видна. Нос прямой, глаза большие и спортивная фигура. «Женя – парень то что надо, – вдруг подумала она, – он с какой-то толстой книгой уголок нашёл нешумный. У ребят на нашем курсе нет таких серьёзных лиц. А залысины какие! Значит, парень очень умный. Думу думает про атом и деление частиц».

А он думал: «Вот девчонка как милосская Венера. Не измучена диетой, добрый взгляд и милый вид». Неужели, как обычно, он не скажет слова первым, неужели оробеет, неужели промолчит? Так они сидели молча. Ставни старые скрипели, словно «добрый» стоматолог сверлит вам здоровый зуб. На тетрадь, на надпись «Таня» листья тополя летели. Наконец он повернулся и поправил редкий чуб. Он сказал ей то, что думал, не изысканно, не тонко: если девушка простая, то она его поймёт. Про себя она узнала то, что классная девчонка, что её веснушки – супер, что глаза её – улёт. Как он сильно волновался! Как была Татьяна рада! И пошли по жизни вместе всем завистникам назло, Таня – классная девчонка, Женя – парень то что надо. Одиноким, невезучим в самом главном повезло.

Совершенно по-иному ставни старые запели, плыл божественно и нежно звук несмазанных петель, словно скрипки Страдивари, словно дивные свирели, словно это Ростропович и его виолончель. Всё в тот день прекрасно было, жизнь кругом ключом забила, ставни пели, ветры пели, небо пело, город пел. Их какая-то бабулька из окна перекрестила, и какой-то голубь белый из-за тучки прилетел.

В славном городе Иркутске был обычный день осенний, в славном городе Иркутске кто как мог, тот так и жил. Там под песни старых ставень шли Татьяна и Евгений, а над ними голубь белый всё кружил, кружил, кружил...

РОЗОВАЯ ЧАЙКА

Повесть

* * *

Я сидел в своём стареньком Москвиче и ждал друга. Безлюдная размытая дорога была с севера невысокими, но крутыми горами прижата к Унгинскому заливу Братского водохранилища. Залив, глубокий и большой по площади, богат рыбой. Вот за этой-то рыбой и приехал я сюда. В багажнике лежала резиновая лодка, а всё остальное должен был привезти друг из Нухэда. Все свои рыболовные снасти после прошлой рыбалки я оставил в багажнике его машины. И сейчас жалел об этом.

Время шло, его всё не было, утренняя заря уже гасла. И я понял, что порыбачить на зорьке уже не получится. Я не знал, что мне делать, скучал, изредка попивая кофе из термоса.

Вдруг правая дверка машины распахнулась.

– Можно к вам? – мне приветливо улыбался молодой высокий бурят.

Не дожидаясь ответа, он сел рядом со мной. Я был поражён. Здесь отличная видимость на километр вокруг, и, если бы он шёл, я бы его издали увидел. Откуда он взялся? Я что, задремал?

– Здравствуй, дед! Я – Баир, – и протянул мне руку.

– Здравствуй. А я – Александр.

Рукопожатие было крепким, чувствовалась в парне сила.

– А я тебя, дед, знаю. Ты наш писатель, я твою фотку раза два видел в районке. Хорошо, что я тебя встретил. Поговорим?

– Поговорим. Ты лучше скажи, откуда ты взялся. Из залива вынырнул, что ли?

– Из залива, – серьёзно, даже без тени улыбки, ответил парень. – Хорошо, что ты здесь стоишь. Абарга, как всегда, не обманула. Я ведь последний раз с человеком из этого мира говорю. А тут сразу писатель. Мне повезло.

Я ничего не понял:

– Ты что, решил утопиться? Это дурость и большой грех.

– Не утопиться, а уйти жить в другой мир, параллельный, на восемь поколений назад. В другой мир, который рядом и с этим миром не пересекается. Что, не веришь?

Баир меня совсем запутал. Может, он смеётся надо мной?

– Ты, Баир, что-то не то городишь. Шутки шутишь? Я православный, мне в такое верить нельзя.

Баир засмеялся:

– А ты, дед, не верь. А просто подумай, почему я из залива вышел сухим. Я, говорю тебе, вышел не из воды, а из другого мира. Не с неба же я упал.

Я пытался осмыслить то, что мне наговорил Баир. Действительно, кроме как упасть с неба или вылезти сухим из залива, появиться ему было неоткуда. Мы немного помолчали.

– Ладно, – заговорил я, – но как ты попал в залив? Утонул?

– Как я попал в залив, говорить нельзя. Но я опять туда уйду, как только дождусь Розовую чайку зари.

– Какую чайку? Розовую?

– Да, розовую. Она должна появиться на заре и вылететь прямо из зари. Может, поэтому она и розовая. Но она не похожа на других чаек, и я не ошибусь.

– И ты вернёшься в воду? И будешь там жить и плавать, как дельфин?

– Нет, дед, я вернусь не в воду, а в параллельный мир. Там другая жизнь, я же тебе говорю – это на восемь поколений назад. Ты ведь должен знать, что каждый бурят обязан знать поимённо свой род до девятого колена. Даже Абай Гэсэр жил восемь поколений. Но я не могу тебе сказать, за какие заслуги и каким образом я попал в тот мир. Мне запрещено говорить, да я и сам только сейчас понял, кто такая Розовая чайка и почему она выбрала именно меня. А надо бы раньше догадаться. Может кто-то подумает, что для того, чтобы туда попасть, нужно просто утонуть. Но это не так. Просто утонуть значит стать кормом для сомов. Только Абарга может отправить Розовую чайку за кем-то. Абарга ненавидит вас, рыбаков и всех чаек кроме Розовой, которая не ест рыбу. Кстати, Абарга просила передать, чтобы ты прекратил ловить рыбу. Прекрати, она зря говорить не будет.

Я слушал байки Баира, ничего из его рассказа не понимая, а время шло. Солнце поднималось и серебрило мелкую рябь воды. В небе летали и кричали чайки, но не розовые, а простые, белые. А мой друг из Нухэда всё не появлялся. Я вышел из машины, обошёл её вокруг, заглянул под капот. Пропала рыбалка. Может, домой ехать? А вдруг он подъедет. И я опять сел за руль.

– А время идёт, – вслух подумал я.

– А времени нет, – заговорил Баир. – Его не существует. Время придумали глупые люди. Я уже понял, что время – понятие относительное. Теорию относительности гениального Эйнштейна неграмотные бурятские шаманы знали ещё тыщу лет назад.

Я опустил стекло, и свежий воздух ворвался в салон машины.

– Баир, ты считаешь, что я тебе верю? Или ты хочешь, чтобы я об этом написал?

– Зачем верить? Может, хватит того, что мы просто беседуем. Не хочешь – не верь. А писать об этом не обязательно. Какой-нибудь дурак прочитает и подумает, что попасть в тот мир просто: бултых в воду... И утоп бедолага. Просто посидим, поговорим, так ждать легче. Я ещё должен попросить тебя передать одно письмо.

Баир также опустил стекло и, откинувшись на сиденье, заложил руки за голову и закрыл глаза.

– Представляешь, дед, наша речка Унга здесь, у нас, скоро совсем ручейком станет, а там она – широкая, чистая, полная рыбы. А какие берега! Разнотравье, цветы, табуны коней, отары овец. А какой воздух! Это главное, что меня поразило...

Баир шёл по тропинке вдоль Унги. Тропинка петляла так же, как и речка, повторяя все её причудливые изгибы, лишь изредка спрямляя путь.

Баир не раз слышал выражение «пьянящий воздух». Но ощутил его по-настоящему в первый раз в жизни. Вокруг него была широкая долина с невысокой, но густой травой. Вдали виднелись красновато-бурые от глины склоны гор. Свежий ветер, казалось, веял приятной прохладой не только на Баира, но и на само раскалённое солнце.

Баиру хотелось, как в детстве, бежать вприпрыжку, раскинув руки, хотелось петь – так ему было легко! Но он просто шёл и не понимал, откуда в нём столько лёгкости, столько радости. И даже не думал, куда и зачем он идёт. Ему не хотелось ни есть, ни пить, ни отдыхать – просто вот так идти и идти по этой тропинке, которой, казалось, не было ни конца ни края.

Но вот вдалеке показался улус, и чем ближе Баир подходил к нему, тем отчётливей видел юрты и деревянные шести- и восьмистенные домики с круглой крышей. Было видно и несколько войлочных юрт. Жители занимались своими делами, и не было им никакого дела до какого-то случайного путника, который неизвестно как появился вблизи их улуса.

Справа от Баира в небольшой котловине девушка собирала ягоды. На ней было шёлковое платье-дэгэл, а косы, когда она нагибалась, свисали до самой земли. Баир её в котловине не сразу заметил.

– Сайн Байна, красавица! – весело крикнул он. – Как ягоды? Спелые?

Девушка выпрямилась, забросила косы за спину и негромко ответила:

– Сайн Байна, Баир. Здесь ягод нет. Я собираю целебную траву. Нашего тайшу лечу: заболел.

Она пошла навстречу Баиру. Баир помнил, что у бурят тайша это глава улуса.

– О! Да меня здесь даже по имени знают!

– Да, и я, и сама Абарга знаем тебя по имени. Она тебя ждёт, а мне сказала тебя встретить. Иди за мной, она уж, наверное, заждалась.

Девушка вышла на тропинку и, не оглядываясь, пошла к улусу. Баир последовал за ней.

– Ну если «сама Абарга» меня заждалась, то конечно, пошли к ней. Кстати, кто она?

– Придём – увидишь.

– А ты что, шаманка – траву целебную собираешь? – шутливо спросил Баир.

– Да, шаманка. – серьёзно ответила девушка и тут же поправила: – Скоро буду шаманкой.

– И шаманить уже умеешь?

– Не твоё дело.

– А как тебя зовут?

– Не твоё дело.

И пока они шли до улуса, девушка молчала, не ответила больше Баиру ни на один его вопрос. Так и шли молча – девушка впереди, Баир за ней.

Когда подошли близко к улусу, Баир его внимательно разглядел, насколько это было возможно. Взгляд его привлекла одна юрта, которая была намного больше всех остальных, но поразила Баира другим – тем, что стояла не на возвышенности, как другие, а поодаль от них на берегу речки. Стояла она так близко к воде, что малейший ветерок – и волны задевали её край. А если будет сильный ветер?..

Буряты так свои юрты не ставят.

Девушка повела Баира именно к этой странной юрте. Рядом с юртой на кошме сидела пожилая женщина и внимательно смотрела на Баира. На женщине тоже был шёлковый дэгэл. «Значит, обе небедные, если в шёлковых дэгэлах», – отметил про себя Баир. Не доходя до женщины, девушка оглянулась и тихо сказала Баиру:

– Это и есть Абарга. Когда будет говорить, не перебивай её. Она этого не любит. А зовут меня – Дарима.

– Сайн Байна, – поприветствовал Баир женщину, и та ответила:

– Сайн. Какого высокого да стройного парня выбрала наша Розовая чайка! Садись, Баир.

И указала Баиру место напротив себя. Сел Баир, не зная, куда девать свои длинные ноги. Дарима встала позади Абарги и с улыбкой наблюдала за парнем. Хозяйка поняла, что гость её не умеет сидеть на земле, и показала на большую чурку:

– Садись туда.

Дождалась, когда он пересядет, и продолжила:

– Баир, ты у нас пробудешь три дня, прогостишь. У нас должно произойти убийство. Я знаю, что помочь найти убийцу можешь только ты. Не знаю как, но сделаешь ты это, даже сам того не осознавая. Вчера в улусе один бык убил другого.

– И я должен найти того быка-убийцу? – удивлённо спросил Баир.

Абарга замолчала, а Дарима укоризненно покачала головой. Помолчав, Абарга заговорила снова:

– Вчера у нас в улусе один бык убил другого. Сивого. Если ты булагат, то ты должен знать, что это значит. А это, напомню, значит, что кто-то из рода булагат убьёт кого-то другого из рода булагат. Мы должны найти убийцу и наказать его.

Баир опешил:

– Как найти убийцу, если убийства не было? А потом, если вы знаете, что оно будет, то лучше его не допустить. И как вам помочь хоть в чём-то, я не знаю.

– Мы сами не знаем, как произойдёт убийство и кого убьют. Это может знать только Бабушка.

Абарга воздела к небу руки:

– Как ты сможешь нам определить убийцу, тоже знает только она. А я говорю только то, что знаю точно. От тебя ничего не требуется, ты нам случайно на него укажешь. Но ты ничего и никого не бойся. Просто погости у нас три дня. С тобой точно ничего плохого не произойдёт. Посмотри, как у нас здесь красиво, как у нас здесь хорошо. Посмотри. Как только мы найдём подлеца с твоей помощью, Розовая чайка зари вернёт тебя домой. Но если захочешь у нас навсегда остаться, оставайся. В улусе тебя никто не обидит, можешь заходить в любую юрту, будешь дорогим гостем. Я сказала, чтобы в улусе никто не задавал тебе никаких вопросов, а на твои вопросы чтобы все отвечали честно. Моя юрта этой ночью будет пуста, можешь ночевать в ней. Там же и поужинаешь. Если тебе будет скучно просто так слоняться по улусу, можешь чем-нибудь заняться. Что ты любишь делать? Ходить на охоту, ухаживать за лошадьми...

– Ухаживать за лошадьми! – опять перебил Абаргу Баир. И опять Дарима покачала головой.

Баир действительно это любил, всегда помогал в посёлке наездникам готовить к соревнованиям нухэдских скакунов, любил верховую езду с малых лет.

– Хорошо.

Абарга повернулась к Дариме:

– Дарима, завтра утром проводи Баира на заимку к табунщику Даши. Скажешь Даши, что это мой гость. А ты, Баир, располагайся, – и указала Баиру на свою юрту.

Абарга встала, и они с Даримой, не оглядываясь, пошли вверх по берегу в сторону других юрт. Баир ничего толком не понимал, стоял и смотрел им вслед, не смея ещё хоть о чём-то их спросить. Уже темнело, но он боялся зайти в юрту Абарги. Потом, осмелившись, подошёл, открыл дверь и заглянул внутрь. Обыкновенная юрта, ничего особенного, ничего страшного. Сверху через дымоход падал свет на низенький столик около очага, на котором стояла чашка с бараниной, берестяной туесок с кумысом или арсу, стопкой лежали лепёшки. Когда Баир подошёл к столику и взял кусок баранины, то очень удивился, что она была горячей, как только что из котла. А очаг был холодным. Не спеша поел.

На мужской половине юрты лежали сложенная в несколько рядов кошма и яркое лоскутное одеяло. Как только Баир лёг на кошму и накрылся этим одеялом, так сразу же и заснул.

– Эй, засоня, вставай! Табунщик наш новоявленный. Табунщики до этой поры не спят.

Баир открыл глаза и не сразу сообразил, где он. Вскочил. Баранина опять оказалась горячей. Он схватил большой кусок и, на ходу пережёвывая, выбежал из юрты:

– Сайн Байна. Я уже давно не сплю. Сидел, завтракал. – Еле сумел выговорить он.

Дарима сидела верхом на гнедом коне, другого, тоже гнедого под седлом, держала под уздцы.

– Ну, если поел, поехали. Да смотри не поперхнись, полный рот набил. Засоня и обжора.

Засмеялась и пришпорила коня.

Солнце только поднималось, а жизнь в улусе уже кипела вовсю. Даже ребяташки бегали, помогая взрослым. На Баира все смотрели с любопытством, разглядывали необычную для них одежду, приветствовали, но никто даже не пытался с ним заговорить, послушаться Абаргу.

По улусу ехали молча. Кони ходко шли лёгкой рысью, чувствовалось – сытые, отдохнувшие.

– Дарима, а кто такая Абарга? Почему она знает то, чего знать невозможно? Почему её все слушаются? Ты обязана отвечать честно, Абарга ведь так сказала.

Дарима придержала свою лошадь, и кони перешли на шаг.

– Абарга совсем другой человек, не такой, как мы все. Вокруг неё одни тайны.

– Она шаманка?

– Наверное, ведь она учит меня шаманству, а учить этому могут только другие шаманы. Она способна превращаться хоть в кого.

– Если ты у неё учишься, значит, и ты можешь превращаться в кого-то?

– Да, могу.

– А ну-ка покажи!

– Это я могу сделать только по указанию учителя и в случае крайней необходимости. А ты зря улыбаешься. Совсем скоро я стану белой шаманкой. Через три дня у меня будет обряд первого посвящения. Абарга довольна мной. Меня все в улусе уважают.

– Расскажи про того табунщика, к которому мы едем. Его Даши зовут?

– Даши. Он сирота, с малых лет работал с табунщиками. Он чуть старше тебя, а коней понимает не хуже любого старика. Есть в табуне у него вороной жеребец, такой бешеный! Его так и прозвали – Бешеный. Так этого жеребца Даши обучил ходить под седлом. Никого близко жеребец не подпускает, а Даши легко его седлает и носится на нём по степи, как ветер. Видимо, Даши его ещё жеребёнком к себе приручил. Пасёт парень чужих коней, а любит их, как своих.

– Он что, один справляется с табуном? – спросил Баир.

– Сейчас один. Конечно, одному тяжело, – вздохнула Дарима. – Был у него напарник, да погиб. Дугар-Сурум звали. Тоже сирота, из другого улуса. Абарга их познакомила, сказала: «Вы теперь будете наречёнными братьями, конюшите вместе, будьте друг за друга горой». Она сиротам сочувствует. И они жили как братья на заимке. Дружно жили, копили деньги, хотели свой табун разводить.

– А что с его братом случилось?

– Медведь задрал. Не просто тут всё. Есть у нас в улусе Осогор, хитрый и жадный человек, не такой, как мы все. Вечно что-то продаёт, перепродаёт – мошенник. Особенно обманывает тех, кто деньги считать не умеет. Его в улусе никто не любит, даже, кажется, и жена тоже. Только две его маленькие дочки любят: ничего ещё не понимают. Зачем ему много денег? Что он на эти деньги хочет купить? Что он хочет такое съесть, чего другие не

едят, и что он хочет такое на себя надеть, чего на других нет? Или решил, что с такими грехами будет жить несколько поколений? Вряд ли.

– Жадные иногда об этом и не задумываются. Для них главное копить, – пожал плечами Баир.

– Да, Баир. Мой дед как-то сказал, что у всего на свете есть свой предел. Нет его только у человеческой жадности. Дай ему много, он скажет: «Дай ещё, дай очень-очень много». Собери всё на свете богатство и отдай ему – всё равно он будет страдать. Будет глядеть на небо и вздыхать: «Звёзды так блестят, значит, они серебряные, луна золотая. А как достать?»

– Так всё-таки как погиб Дугар-Сурум?

– Осогор занял у него все деньги, что откладывались на покупку коней. Даши свои не дал. А когда зимой пришло время отдавать, Осогор пригласил Дугар-Сурума на охоту. Главное пригласил пойти на медведя, хотя до этого ни тот, ни другой на медведя не ходили. А кончилось всё тем, что один погиб, а другой жив-здоров, и деньги отдавать не надо, Дугар-Сурум ведь сирота. Кому отдавать? В улусе все всё понимают, а сказать ничего не могут. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Баир, да мы так и до полудня не доберёмся до займки!

И они пустили коней в галоп. День обещал быть жарким, солнце ещё не дошло до зенита, но уже припекало. Ветер был слабым и нисколько не освежал. Баир заметил займку издали. Никого – ни людей, ни коней – рядом с ней не было видно. Только когда подъехали ближе, увидели Даши, невысокого широкоплечего парня со смуглым от загара лицом.

Займка состояла из зимовья – небольшого домика, – длинного навеса для укрытия лошадей от непогоды, и всё это было обнесено пряслом – забором из жердей. Даши топором правил сбитые лошадьми пряслины. Рубаха на спине была мокрой от пота. Он отбросил топор в сторону и смотрел на гостей, прикрывшись ладонью от солнца. Дарима весело крикнула:

– Сайн Байна, Даши! Принимай нового напарника. Зовут его Баир.

– Сайн Байна, – ответил парень. В голосе и взгляде его Баир почувствовал плохо скрываемую неприязнь. – Не нужно мне никаких напарников. Я и один неплохо управляюсь.

– Не спеши отказываться. Его прислала Абарга к тебе на пару дней.

– Кто прислал? Абарга? – лицо парня сразу расплылось в широкой улыбке. – Ну если Абарга прислала, то это совсем другое дело. Абарга мне плохого человека не пришлёт. Слезай, друг, с коня, держи за другой край пряслины. Двоим сподручнее. Спасибо, Дарима. Как только куплю коней, приеду к твоему деду тебя сватать.

– Приезжай, да смотри не опоздай! – шутливо откликнулась Дарима. – Даши, ты знаешь, что наш тайша сильно заболел, лежит, не встаёт? Поэтому мы пригласили улигершина в улус, чтобы сегодня ночью он пел нам улигеры об Абай Гэсэре. Улигершин приехал хороший, ему за его красивое пение, говорят, прямо с небес прислали коня с полной сбруей. Если он так же хорошо будет и сегодня петь, то наш тайша пойдёт на поправку. Приезжайте оба ночью слушать.

– А почему ночью, Дарима? – спросил Баир. Он уже всю помогая Даши поднимать упавшие прясла. Дела у них двоих пошли ходко.

– Как почему ночью? А когда ещё? – удивилась Дарима. – Улигеры можно петь только ночью. Приезжайте! Баир, конь, на котором ты приехал, на два дня твой.

Она прищипорила коня и помчалась назад в улус. Только пыль закружилась сзади.

Даши ворчал:

– Сколько раз просил сделать нормальный забор. Жердь разве удержит коня? Конь подойдёт и сломает прясло. Табун уйдёт в пролом, а виноват буду я. Баир, если тебя ко мне отравила Абарга, значит, ты хороший человек и верный друг. Абарга зря не пришлёт, она людей насквозь видит. Вот только плохо, что всего на два дня прислала. Мне такой друг и

нужен. Оставайся здесь насовсем, мы с тобой накопим денег, и у нас со временем будет свой табун.

Баир молчал.

Поправив изгородь, табунщики пошли к избушке. Даши вынес чашку холодного отваренного мяса. Они сели на крыльцо и ели на свежем воздухе. Вот так, без хлеба, и даже без соли, ели, отрывая мясо по волокнам, и мясо показалось Баиру очень вкусным. Даши сказал, что ему для себя одного готовить еду не охота. Да он и не ждал сегодня гостей, а то бы что-то приготовил. Если Баир останется с ним пасти табун, то можно покупать себе что-то в лавке, деньги имеются. А вдвоём даже есть приятнее.

Баир понял, что Даши скучает по брату и сильно переживает его смерть. Поэтому так с ним по-свойски разговаривает. Но начать разговор об убийстве Дугар-Сурума он не решался. Даши сам заговорил об этом.

– Баир, мне сегодня приснился погибший брат. Будто идём мы с ним по лесу. Я ему что-то говорю, а он молчит. А потом останавливается и со всего маху всаживает нож в сосну. Ты не знаешь, что это значит? Таким злым он мне ещё не снился.

– Нет, я не умею разгадывать сны. Я и сам не пойму, снится мне всё это или это явь. Зачем я вообще тут оказался? В улусе позавчера бык убил быка и...

– Что?! – вскричал Даши. – Это всё неспроста. Всё сходится. Это предзнаменование.

– Предзнаменование чего? – не понял Баир.

– Ничего. Что-то я сегодня заболтался с тобой. Кони, наверное, по распадку ушли далеко. Надо ехать, а то, если соединятся с другим табуном, мороки будет на весь день. И жеребцы могут друг друга покалечить. Поехали в распадок. Хорошо, что Дарима тебе коня под седлом оставила.

Он вывел своего коня из-под навеса, и они поскакали вслед ещё утром ушедшему табуну. В распадке трава была лучше, чем на буграх, поэтому кони паслись и потихоньку продвигались вниз по распадку в сторону Ангары. Дальше уже степи кончались и начинались приангарские леса. Даши прекрасно знал, куда может уйти табун, куда может увести его жеребец Бешеный, поэтому его мало беспокоило, куда пойдут кони. Его больше беспокоило, что табун может встретиться с другим табуном, который так же пустил другой табунщик.

Баир издали заметил Бешеного и подумал: «Какая красивая лошадь и какая поганая кличка – Бешеный». Даши и Баир остановили табун, повернули его назад, а сами отъехали к ближайшему леску и, сидя под берёзой, в тени, издали следили за табуном. Даши покусывая травинку, заговорил:

– Слышь, Баир. К вечеру возвращайся-ка ты в улус, послушай улигершина, потом мне расскажешь. Что-то я сегодня устал, не поеду. А ты поезжай. Дорогу знаешь.

Баиру очень хотелось послушать улигершинов, он никогда не слышал их, а только знал, что они когда-то были на унгинской земле. Поэтому он сразу согласился. Может, и Дарима там будет.

– Хорошо, Даши.

...С наступлением ночи большая юрта Абарги была полна народа. На почётном месте, у дальней стены, лицом к двери молча сидел седой худощавый старик, известный по всей Унге улигершин. В руках он держал морин-хур – народный инструмент со струнами из конского волоса, отдалённо напоминающий маленькую виолончель. Баир опоздал, не видел, как приветствовали улигершина, как угощали белой пищей. Он с трудом нашёл себе место и сел.

Наконец все уgomонились, и наступила тишина. Старик негромко заговорил, он говорил, употребляя старые бурятские слова, многие из которых Баир не знал. Он даже не понял, что это – молитва или просто необходимая для начала присказка. Он только понял, что все желают быстрого выздоровления тяжело больному тайше и что петь старик будет улигеры о детстве Абай Гэсэра.

Старик замолчал и ударил смычком по струнам. И полилась волшебная музыка, и запел старик о славном баторе Абай Гэсэре. И утонул Баир в этом новом для него мире.

3

Улигершин замолчал. В юрте стояла мёртвая тишина. Все сидели молча, будто ждали продолжения улигеров, но уже наступало утро. Да и улигершин, по всему было видно, устал. Баир, опустившись с небес на землю, хотел захлопать в ладоши, но вовремя остановился. Понял, что аплодисменты тут совершенно не уместны.

И вдруг откуда-то издали раздался женский крик. Люди растерянно переглянулись. Крик повторился, и все бросились к двери. С трудом выбравшись из юрты – благо сидел недалеко от двери – Баир с другими мужчинами побежал на крик, на помощь женщине. Что с ней случилось, почему она так кричит? Когда мужчины подбежали к богатому восьмигранному дому, стало понятно: убийство!

Кричала жена Осогора. Прямо у дверей на земле лежал хозяин этого дома Осогор. Баир плохо разглядел Осогора, которого тут же плотно обступили люди. Да и особого желания видеть труп у него не было. Он просто стоял и слушал, как все возмущались: что убили человека, да ещё и отца двух девочек, да ещё и во время пения улигершина, и как люди перестали бояться греха!

Из сбивчивого рассказа женщины, по её отдельным долетавшим до него словам он понял только, что кто-то в дверь постучал, что муж вышел, что он вскрикнул...

Уже светало, а люди, позабыв про сон, всё ещё стояли и не расходились. Из-за болезни тайши руководили жизнью улуса Абарга и старый кузнец – дархан.

Кузнецы в сельской иерархии всегда приравнивались к шаманам. Кузнец подошёл к толпе и сказал, чтобы все разошлись по домам, сделали все домашние неотложные дела и сразу же шли к юрте Абарги. Нужно было всё обсудить и по возможности разобраться в случившемся.

Баир пошёл к юрте Абарги. Недалеко пасся его стреноженный конь. Он сел на землю и рассеянно наблюдал, как конь ест траву. Баир пытался осмыслить, что произошло. И, незаметно для себя, стал рассуждать, как заправский следователь. Если с его помощью найдут убийцу, то как это должно произойти? Вспомнил, что в первую очередь надо определить, кому выгодна смерть Осогора. Если он не любим всем улусом, а многие просто его ненавидят, то определить подозреваемых будет сложно. Их попросту весь улус. Но многие были в юрте, слушали улигеры, а как определить, кто был, кто не был? Убийца наверняка скажет, что сидел в юрте. Следы у дома Осогора наверняка затоптаны, ножа рядом не было. Может, это сделал кто-то из соседнего улуса, или кто-то приехал с заимки?

И вдруг Баира как током ударило: Даши!

У него ненависть к Осогору, и он сам проговорился, что «всё сошлось, это предзнаменование». Он не поехал в улус, а Баира спровадил. Но надо проверить, спровоцировать его. Например, соврать ему, что Осогор жив и сказал, что его ударил ножом Даши. Если Даши не виновен, никак не среагирует на это, то можно сказать, что просто пошутил. А что делать, если Даши выдаст себя? Если убил он? Это значит, Баир должен указать на Даши как на убийцу? Нет, Баир никогда этого не сделает. Да он и не должен искать убийцу, его об этом никто не просил. Ему сказали только, что он, не осознавая того, поможет убийцу найти. Но как поможет? Проболтается? Надо больше молчать. Не надо лезть в чужую жизнь, пусть сами разбираются. Он здесь случайный человек. И зачем только Розовая чайка выбрала именно его? Что, других людей мало?

К этому времени к юрте Абарги стали подходить люди. Они вполголоса обсуждали трагедию, спорили. Что удивило Баира – женщины не выглядели кроткими и послушными, как это обычно бывает у восточных женщин. Они на равных спорили с мужчинами, держали себя достойно, смело выражали своё мнение о случившемся. Но у всех – и у женщин, и у мужчин – было почтительное отношение к старшим по возрасту.

Когда рассвело, весь улус уже был тут, у юрты Абарги. Дархан и два других старика вышли вперёд, и все замолчали. Дархан не спеша длинной палкой очертил на земле большой круг и сказал:

– Вот это юрта Абарги, – воткнул палку у края круга, – а вот тут сидел улигершин. Вы все помните, кто у вас сидел справа, кто сидел слева, кто впереди, кто сзади. Вот так же сейчас и садитесь, как ночью сидели.

Люди загалдели и стали рассаживаться. Дархан и старики тоже сели и терпеливо ждали, когда рассядутся все. Наконец, все сели на свои прежние места. Дархан встал и заговорил:

– Все сидите на своих местах? Нет ли рядом с кем-то лишнего человека? Хорошо, пока сидите, а вы, кто без места, отойдите вот сюда, в сторонку. С вами будем беседовать. Начнём с тебя, Базар. Ты весной с Осогором ругался, на весь улус орали. Из-за чего ругались?

Встал богато одетый пожилой мужчина и возмущённо заговорил:

– Да вы же знаете. Он моего коня погубил. Попросил не пришедших вечером коров в степи поискать, гонял коня, гонял, а потом не дал ему, потному, отстояться – и отпустил. А потный конь напился воды и обезножил. Да что я вам тут рассказываю? Вы все это хорошо знаете. Он мне не заплатил, вот и ругались. А убивать Осогора из-за коня я не собирался. Зачем мне нужен ваш Осогор? Ещё руки о него марать.

Дархан переглянулся со стариками и опять спросил:

– А почему не пришёл послушать улигершина?

– Не захотел, вот и не пришёл. Устал за день.

– И где был? Что делал?

– Ничего не делал. Завалился спать и дрыхал до утра, пока жена не разбудила. Вы зря на меня думаете, я человек честный, законы и обычаи все соблюдаю. Сами меня знаете.

Дархан указал на небо и сказал:

– Поклянись перед самим Бурулгуй Саган Тэнгерином.

Базар поклялся самыми страшными карами. Ему разрешили сесть и начали расспрашивать следующего. Так по одному и опросили всех, кто имел возможность расправиться с Осогором. Вопросы в основном были одни и те же. Да и ответы не отличались разнообразием. И все клялись именем Бурулгуй Саган Тэнгерина – покровителя булагат, что не имеют к убийству никакого отношения. Выяснилось, что все, кто не был этой ночью у Абарги, спали, на улице никто никого из посторонних не видел, никто ничего не знает.

Старики были озадачены. Кто же тогда убил Осогора? Сообщать в город об убийстве никто не хотел. И людей распустили по домам. После этого допроса Баир ещё больше убедился в виновности Даши. Он оседлал коня и галопом полетел на заимку. Никто на него даже не обратил внимания. Никто, кроме Абарги. Она всё время внимательно наблюдала за ним со стороны и сейчас, увидев, как Баир помчался на заимку, быстрым шагом направилась в улус. На ходу какому-то встречному мальчишке дала указание, и тот помчался к юрте местного силача Олзона.

Баир погонял несущегося галопом коня. Бугры с выгоревшей от солнца травой были усеяны сусличьими норами. Только бы конь не попал копытом в нору!

Когда Баир подъезжал к заимке, он увидел, что коней в загоне нет, а Даши лежит на шубе под навесом и спит. Рядом с ним стояли два вороных коня под седлом. Услышав топот копыт, Даши вскочил и испуганно оглянулся.

«Всё ясно, если сейчас спит, значит, ночью не спал. А испугался – тоже есть от чего. Сейчас задать ему прямой вопрос в лоб, и он всё равно хоть чем-то, но выдаст себя. Главное сыграть убедительно», – подумал Баир. Соскочив с коня, он сделал нарочито испуганное лицо и закричал:

– Даши, Осогор не умер! Он сказал, что узнал тебя. Он тяжело ранен и сейчас в своём уме.

Даши, увидев, что Баир приехал один, спокойно ответил:

– Баир, назови того бараньим курдюком, кто тебе такую чушь сказал. Я одним ударом ножа завалю хоть коня, хоть быка. А этого суслика Осогора не смог? Не верь никому, Баир. Осогор получил то, что заслужил. Отворковал голубок. Баир, я тебя ждал. Если тебя вчера прислала Абарга, то мы можем друг на друга положиться. Я в этой жизни, после смерти брата, снова один. И ты, как погляжу, тоже один. А вместе мы уже двое, мы уже сила. Ты парень крепкий, я тоже не слабак. Если мы будем вместе, нам ничего не страшно. Ни тебя, ни меня с этим улусом ничего не связывает. Бежим вместе. Я давно бы уже был далеко-далеко, если бы тебя не ждал. Кони готовы, этих коней даже ветер не догонит. У меня – Бешеный, у тебя – хорошая кобылица Ночка. Оба коня вороные, красавцы.

– Извини, Даши, но я не побегу. – Баир понимал, что ему нельзя никуда бежать.

Даши огорчился таким твёрдым отказом, но не отступал:

– Дурак ты, Баир. Что тебя в этом улусе ждёт? Будешь всю жизнь пасти чужих коней? Зачем тебе это? – Даши подошёл к Бешеному и похлопал ладонью по подушке седла: – Вот тут, в маюзе, я зашил деньги, что заработал за несколько лет.

А вот тут, – он хлопнул по перемётной суме, притороченной к седлу, – тут харчи на несколько дней. Так что не пропадём. У нас, посмотри, какие кони. Уедем за Байкал, разведём своих коней, целый табун. Найдём невест, будем жить, как все состоятельные люди. А коней вернём, я знаю как. Я давно уже всё продумал. Неужели ты не хочешь быть свободным и богатым?

– Хочу. Но эти кони чужие.

Этот вопрос оказался очень болезненным для Даши. Он тяжело сел на чурку и снова стал убеждать Баира:

– Да, чужие. Это плохо. Но мы всё потом вернём. Когда у нас будет свой табун, это сделать несложно. А сейчас заскочим в Зухэли – это тут недалеко, и как раз нам по пути. Там мой родовой сэргэ, и я возле него поклянусь душам моих предков, что верну всё, что нечестно взял. Если я этого не сделаю, то не будет мне удачи и счастья в жизни. А по пути ещё и на сакральном месте оставим на лиственнице вот эти ленточки, залаа, – и он показал Баиру две ленточки. – Наши боги-бурханы нас не оставят, помогут нам.

Баир вспомнил, что сэргэ это столб – коновязь, священная для бурята, это как знамя рода, которое означало, что земли вокруг принадлежат именно этому роду. Не зря сэргэ старались украсить резьбой, расписать красками. Причём по этим не хаотичным нарезкам и росписи можно было узнать многое о хозяине сэргэ. Любой, даже неграмотный, бурят мог это прочитать, но только не Баир.

Баир видел, с какой надеждой в глазах уговаривал его Даши, он отлично его понимал. Конечно, вдвоём бежать легче. Даши не сомневался, что если Баира к нему прислала Абарга, то он должен стать ему братом. Даши ведь сделал то, о чём его попросил брат Дугар-Сурум, отомстил: он свой сон считал вещим. И появление в своей жизни Баира тоже считал неслучайным, просто небеса ему дарят нового брата. Одного зимой взяли, другого летом дали. Это не совпадение, это Судьба. Но как уговорить его бежать?

– Баир, время идёт, ждать некогда. Абарга обязательно обо всём догадается. Она мудрая, как змея, она и есть водяная змея. Давай вместе поедем до лиственницы, дорогой ещё поговорим обо всём. Может, ещё раз хорошо подумаешь... Ой, вон гляди, на дальнем бугре показался всадник!

Действительно, Баир вдалеке разглядел всадника. Потом появился другой. Всадники недолго постояли на бугре и куда-то ускакали. Даши вскочил на коня:

– Всё, ждать некогда. Проводи меня до лиственницы, а там делай, что хочешь.

Баир тоже вскочил в седло, и они пустили коней крупной рысью. Даши в последний раз оглянулся на свою заимку, где прожил несколько лет, где так старательно трудился, где с большим усердием ухаживал за своими самыми любимыми существами – лошадьми.

Сытые застоявшиеся кони рвались перейти в галоп, но ездоки их сдерживали: надо было беречь силы.

Вскоре они выехали на наезженную дорогу. По дороге коням было бежать легче, чем по степи, но тут могла подстеречь опасность – встреча с кем-то, знакомым с Даши. Его как хорошего костоправа и знатока коней знала вся округа. Любая встреча была бы нежелательной.

Впереди Баир увидел овраг, дорога повернула направо, а прямо как продолжение дороги к оврагу пошла узкая тропинка. Даши на ходу крикнул Баиру:

– Впереди будет овраг, но верхом проехать можно. Нам и надо прямо ехать, выйдем как раз к лиственнице, по ту сторону оврага на бугре.

Дорога пошла в объезд оврага.

Поднявшись на очередной пригорок, Даши остановил коня. Пересекавший им путь овраг был длинным – края его не было видно. Он весь зарос густым молодым березняком, мелким, как кустарник. Склон оврага был не слишком крутым, но на дне его была промоина от вешних вод. Казалось, что здесь невозможно проехать на коне, но следы конских копыт вели именно туда, в промоину.

«Видимо, проехать всё-таки можно, если есть тропа», – подумал Баир. Он повернулся к Даши, хотел что-то спросить, но тот его опередил:

– Вон, Баир, гляди, на той стороне оврага на бугре сухая одинокая лиственница. Нам надо побурханить, задобрить Бурханов, оставить там наши ленточки-залаа. Иначе нам не будет удачи. Потом я заберу у тебя Ночку, ты уж извини, но возвращаться тебе придётся пешком. Потом поеду к сэргэ. А может, ты ещё и передумаешь.

Баир разглядел, что нижняя часть лиственницы пестрела от многочисленных выгоревших на солнце ленточек.

4

Кони нехотя стали спускаться в овраг, скользя по глине, а когда подошли к промоине, то и совсем отказались идти. Пришлось спешиваться и спускаться, держа их под уздцы. Даши успокоил Баира:

– Ничего, наверх кони пойдут легче. Подниматься всегда легче, чем спускаться.

Но наверх подниматься им не пришлось. Из-за берёзок вышли два человека, так же держащие коней под уздцы. Это был силач Олзон с младшим братом. Олзон вежливо, даже чересчур вежливо, спросил:

– И куда же это два таких шустреньких зайчика собрались?

Даши от отчаяния взвыл и схватился за нож. Олзон сурово пригрозил:

– Даши, если ты сейчас же не спрячешь нож, то я спущусь и оборву тебе руки по самые плечи.

Перечить Олзона никто в улусе не решался – уже несколько лет он был лучшим борцом по всей Унге.

В это время Баир тихо сказал:

– Слушай, Даши, давай назад. Пока они спускаются, мы выберемся из оврага и уйдём в степь. Кони у нас лучше, да у них к тому же нет оружия.

Беглецы развернули коней и начали быстро карабкаться вверх. А Олзон с братом повели своих коней вниз к промоине. Казалось, что вот беглецы уже и выбрались из капкана, но из березняка прямо перед ними выехала лошадь, запряжённая в арбу, и встала поперёк тропы. Объехать её было невозможно. На арбе сидела Абарга:

– Что же вы, ребята, покидаете нас, даже со мной не простившись?

Беглецы застыли на месте. Уж этого-то они никак не ожидали.

– Даши, ты помолчи. Говорить буду я, – прошептал Баир, который уже придумал, что им надо говорить. Ещё отъезжая от заимки, он думал: а вдруг поймают, как оправдываться? И, кажется, что-то придумал.

– Абарга, в чём дело? Мы ехали бурханить, а нас не пускают.

Абарга положила кнут рядом с собой и спокойно сказала:

– Ты можешь ехать, куда хочешь, ты своё дело сделал. А к Даши у нас есть вопросы.

– Какие вопросы? Задали бы их потом. Что за спешка? Даши сказал, что нам надо съездить вон к той сухой лиственнице, повязать там наши залаа. А потом он хотел показать мне свой родовой сэргэ. Он хотел там просить благословения у своих предков.

В это время Олзон с братом выкарабкались из оврага. Олзон строго спросил:

– А покажите-ка нам свои залаа, если не врётё.

– Даши, покажи.

Даши достал залаа и поднял их над головой. Он уже понял, куда клонит Баир.

Олзон опять спросил:

– А зачем коней угнали? Забыли, что за каждую угнанную лошадь надо отдать четыре? А у вас и одной нет, не то что восьми.

И тут Даши, как говорится, пошёл в атаку. Размахивая залаа, он возмущённо закричал:

– Кто дал вам право помешать нам бурханить?! А Бешеного мне его хозяин разрешил иногда объезжать, приучать к седлу. Ночку Баиру дал я. Он гость и мой, и Абарги, и всего улуса. И твой гость, Олзон. Никакого угона не было. Если вы считаете, что я зачем-то убежал, то объясните: почему я, побежав, оставил все деньги на заимке? Обыщите нас, денег не найдёте. Мы что, по-вашему, должны были без денег уехать и дорогой побираться?

Олзон хлопнул ладошкой по перемётной суме:

– А это что у вас? Тут харчей дня на три хватит, не меньше.

– Это наши дары Бурханам.

Абарга молчала, а Олзон не унимался:

– Хорошо, поедем сейчас на заимку, и ты покажешь свои деньги. Если мы убедимся, что поехал без денег, то, может, тебе и поверим.

Даши закричал ещё громче:

– Что?! Я ещё и должен показать, где прячу деньги?! Неплохо придумали, ребята: вы и деньги мои заберёте, и восемь коней я должен буду вам отдать, а это значит, всю жизнь на вас работать? А не слишком ли жирный бухлёр себе за мой счёт вы решили наварить? Как бы вас с такого жирного не пронесло. Ничего вам не дам, ничего вы от меня не получите! Думаете, если сирота, то можно надо мной издеваться?! Я честно живу, даже полена ни у кого не украл, не то что лошадь. Зачем мне бежать из улуса? Пропустите нас, нам надо ехать!

Абарга всё это время не проронила ни слова, но тут прервала молчание:

– Помолчи. А бежишь ты, потому что убил Осогора.

Глаза Даши округлились, он был так поражён этой трагической новостью, что не сразу заговорил.

– Как?! Осогор убит? Не может быть! Когда? Но я тут не причём. Я уже давно не появляюсь в улусе, живу на заимке. Мне не нужен ваш Осогор. Вы ищите в улусе, кто его убил. Горе-то какое!..

И Даши замолчал, поняв, что перестарался.

– Ох, как безутешный Даши возмущён, как он негодует! – притворно захохла Абарга.

– Ты, Даши, ещё у Баира на плече порыдай. Какое горе, какое горе! У убитого горем Даши сейчас сердце остановится. Живым до улуса не довезём. – И прикрикнула: – Всё, Даши, хватит дурачиться! Едем домой.

Абарга легко спрыгнула с арбы. Только тут Баир увидел, что у арбы не хватает двух досок. Даши усадили на арбу, просунули в эти отверстия его ноги и внизу крепко их связали верёвкой из конского волоса. Подали ему вожжи, и Даши покати́л домой. Сзади его сопровождал Олзон. А его брата отправили на заимку поработать за Даши, последить за табуном.

Баир и Абарга стояли, держа под уздцы коней: Баир Ночку, Абарга – Бешеного, который стоял смиренно. Абарга с лёгкой усмешкой, безо всякого зла проговорила:

– А ты ловко подкинул отговорку бедняге Даши. Я даже не ожидала. Хорёк ты хитрый. Не отставай!

Ловко вскочила в седло, Бешеный, оправдывая своё имя, понёс её по степи напрямик к улусу. Баир сзади напрасно пытался её догнать, погоняя Ночку. Они сразу обогнали Даши на арбе, лошадь которого довольно резво бежала рысью. Сзади за ним ехал строгий Олзон.

Солнце припекало, поэтому лёгкий встречный ветерок приятно освежал всадников. Всадников, но никак не лошадей. Не доезжая до улуса, Абарга остановила коня и подождала, когда Баир её догонит. Они перевели взмыленных коней на шаг и поехали рядом. Баир сильно переживал за Даши.

– Абарга, а что теперь будет с Даши?

– Не знаю. Мы его будем судить, а там видно будет. Но в город мы его не сдадим, сами разберёмся.

– Его казнят?

– Кого?

– Как кого – Даши.

– За что?

– Ну, если окажется, что он убил человека.

– Какого человека он убил? Уж не считаешь ли ты Осогора человеком? Он грабил улус, особенно тех, кто не умеет считать деньги. Продавал, перепродавал, мошенничал, обижал своих же. Это на его совести смерть Дугар-Сурума, он виноват, что беднягу загрыз медведь. Я отправила Дугар-Сурума работать на заимку к Даши. Они оба сироты, и я сказала, что они теперь названные братья. Они стали братьями. Этот Осогор взял в долг все деньги Дугар-Сурума, а когда пришло время отдавать, он и подговорил того пойти на медведя. Сказал, что к празднику Сагаалган – Белый месяц – будет медвежатина. Думает, в улусе все дураки, не догадываются, почему погиб Дугар-Сурум. А главное, он портил жизнь всему улусу. Он ловил рыбу, – на глаза её навернулись слёзы. – Ненавижу рыбаков! А этого Осогора... Да его давно нужно было убить!

– Как убить?

– Да хоть как! Хоть оглоблей в лоб, хоть за ноги – да об угол. Это родить человека можно только одним способом, а убить – способов много.

Баир не верил своим ушам. Особенно его поразили её слёзы, когда она говорила о рыбе. Он не понимал этих слёз. Такая умная, рассудительная женщина, а такое говорит!.. Но что всё-таки ждёт Даши?

– Так значит, Даши отпустят?

– Наверное. Кто видел, что Осогора Даши убил? Даши был на заимке. Значит, надо во всём разобраться. Но в город мы Даши не сдадим!

– Хорошо. А что будет со мной?

– Если бы я знала, что убьют именно Осогора, то не отправила бы Розовую чайку к вам. И вот она выбрала тебя. Я тебе повторю, что сказала в прошлый раз: она, Розовая чайка, тебя вернёт назад завтра на утренней заре. На берег залива. Но если ты решил у нас остаться, то никуда от залива не уходи, Розовая чайка прилетит за тобой вечером, на вечерней заре. Вернёт тебя сюда. Но тогда ты останешься у нас навсегда. На берегу завтра будет человек, который ничего не знает. Если ты решишь остаться там, то он тебя доставит домой, а если ты решишь вернуться сюда, то передашь через этого человека родным письмо, которое напишу я. И никто там никогда не будет за тебя переживать. Это письмо особое. Ты его не читай. А тому человеку скажи, чтобы прекратил уничтожать рыб.

– А кто такая Розовая чайка? Почему она выбрала именно меня? Абарга, а может, ты и есть эта чайка?

Абарга засмеялась:

– Я – и чайка? Ну уж нет, я птиц не люблю. Я люблю только рыб. Не люблю небо, люблю воду. А почему чайка выбрала тебя, я сразу догадалась, как тебя увидела. Нет, Баир, чайка не я. Всё, приехали. Скоро и Олзон с Даши придут. Кони у них шустрые.

Остановили коней у юрты Абарги.

– Зайди, поешь, а спать тебе в юрте не придётся. Тебе вообще сегодня спать нельзя. Сон, я гляжу, у тебя хороший, проспишь зарю, а Розовая чайка может быть только на заре.

Но Баира сейчас мучил не голод, а один вопрос:

– Абарга, а что будет с седлом и уздой Даши, что сейчас на Бешеном?

Абарга безразлично пожала плечам:

– Вернём потом. Кому это барахло нужно?

– А где будет ночевать Даши.

– Вон в том деревянном домике. И под охраной.

Баир сначала не решался обратиться к Абарге с просьбой, но, подумав, осмелился:

– Абарга, а можно, я отнесу ему это седло, чтоб ночью он его положил себе под голову? Ему спать будет удобней.

Абарга оглянулась на Баира:

– Что ты привязался к этому седлу? – немного помолчала и добавила: – Всё понятно. Хорошо, отнеси. Сиротских денег мне не надо. И тебе спокойней, и Даши будет крепче спать.

Баир подивился её догадливости. Взяв седло, он подошёл к берегу Унги. Надо было ждать, когда в улус придёт Даши. Сначала Баир долго стоял, глядя на воду, потом сел на седло и опять долго думал, осмысливал всё, что с ним произошло. Он здесь должен пробыть три дня. Завтра на утренней заре будет как раз трое суток, как он здесь. Баир устало прилёг на траву, положил под голову седло и незаметно для себя уснул под стрекотание кузнечиков, под щебет степных пичуг.

5

Проснулся Баир, когда солнце было уже на закате. «Даши давным-давно приехал, а сплю» — подумал он. И схватив седло, побежал в улус.

Проходя мимо дома Осогора, Баир услышал голос Абарги. Он подошёл ближе и увидел саму Абаргу, жену Осогора, старика, который помогал утром дархану допрашивать подозреваемых в убийстве, и ещё десятка два местных жителей. Баир у одного из них спросил, что случилось.

– Абарга нашла здесь железный штырь, вбитый в чурку, на который Осогор ночью и напоролся. Так что зря держат в колодках табунщика. А тот, кто ночью постучал, испугался, что подумают на него, и убежал. И правильно сделал: обвинят в убийстве и сдадут в город, а это верная каторга. Попробуй-ка потом хоть что-то доказать. И почему никто сразу не обратил внимания на эту чурку? Суматоха была, темень... Хорошо, что хоть сейчас разобрались. Улус у нас мирный, убийств мы не помним.

В это время Абарга увидела Баира и подошла к нему:

– Наконец-то наш гость выспался. Мы с Даримой ищем его, ищем, а он на берегу руки-ноги раскинул и храпит. Всех моих рыб, наверное, распугал своим храпом. Иди к Дариме, возьми у неё письмо, что я написала для твоих родных, и не вздумай его читать. Она, скорее всего, сейчас, как всегда, сидит у костра. Ты подумай хорошо, может, останешься. Ведь не зря же Розовая чайка выбрала тебя. До утра ещё есть время подумать. Да занеси седло Даши, а то он, наверное, исстрадался. А мне сейчас некогда с тобой прощальные речи говорить. Ступай. Будь счастлив!

– Всего доброго тебе, Абарга. Я никогда не забуду всё то доброе, что ты сделала для меня и для Даши.

И Баир с седлом на плече пошёл к домику, где, по словам ребяташек, держали в деревянных колодках Даши.

Простой бревенчатый домик, похожий на небольшую русскую избу. Охраны у домика не было, он дёрнул дверь – заперто изнутри. Баир постучал, в дверь выглянул невысокий пожилой охранник:

– Чего тебе?

Баир протянул ему седло:

– Это седло Даши. Абарга сказала передать его, чтобы Даши ночью подкладывал под голову для удобства. Пропусти меня.

Охранник грубо отстранил Баира, но седло взял:

– К Даши нельзя, он в колодках, а седло передам, – и захлопнул дверь прямо перед носом Баира.

Баир обошёл дом, подошёл к окошку, которое, как и все остальные, было закрыто ставнями. Негромко позвал:

– Даши.

Так же негромко ему ответили:

– Баир, мне нельзя разговаривать, а ты можешь сказать, что хочешь. Но быстро.

Баир скороговоркой заговорил:

– Ты не переживай, тебя в город не сдадут, судить будут в улусе, Абарга на твоей стороне. Помни, ты никого не убивал. Всё будет хорошо. Крепись, брат.

– Спасибо за седло, спасибо за добрые слова, брат.

– Замолчите оба! – раздался грозный голос охранника.

Баир понял, что дальше поговорить с Даши не получится, и пошёл по улице. Ему интересно было всё. Никто с ним не заговаривал, только улыбались и приветствовали, с любопытством разглядывая его одежду. Несколько подростков шли за ним на почтительном расстоянии, о чём-то шептались и иногда смеялись. Баир не обращал внимания на них.

По большей части дома были бревенчатыми, восьмигранными. Кое у кого были ограды, да и те в основном состояли из жердей. У всех были коновязи, но мало у кого они были похожи на сэргэ. У многих жителей рядом с юртами были разведены костры: готовили ужин. С одной невысокой юрты женщина убирала разложенные на солнце (а оно уже закатилось) лепёшки. Баир с ней заговорил:

– Сайн Байна. Зачем вы их сушите? Ведь если испечь, то они будут вкуснее.

– Конечно, вкуснее, но в дорогу лучше брать такие. У меня муж охотник. Попробуй, – и одну лепёшку протянула Баиру.

Лепёшка была пресной, Баир пресное не любил, но съел с удовольствием. Ему хотелось есть. А где поесть? Конечно, можно было, как говорила Абарга, зайти в любой дом, в любую юрту, и его бы накормили. Но он не решался зайти к незнакомым людям. Пройдя улицу, он пошёл к юрте Абарги. Подростки от него отстали, он шёл один. Юрта была пуста, и, как всегда, на столе была баранина, лепёшки и арсу. Он ел и ждал, когда же придёт хозяйка. Но время шло, а её всё не было. Неужели он с ней даже не попрощается? Что делать? Спать в эту ночь ему нельзя, да он и отдохнул на берегу хорошо.

«Пойду к Дариме, попрощаюсь», – подумал Баир. И вот опять идёт в улус. Где сейчас Абарга, никто не знает, а Дарима сейчас сидит у костра, около своей юрты.

Действительно, Дарима сидела у костра спиной к Баиру и смотрела на огонь. Баир остановился и смотрел на её спину, не желая прерывать её думы.

– Что стоишь, Баир? Подходи, места около огня много.

– Как ты узнала, что это я?

– Для меня огонь – зеркало. Ты что-то хочешь спросить? Спрашивай.

– Темнеет, а ты сидишь у костра. Это мне придётся эту ночь коротать у костра, а ты можешь идти спать. Можно, я проведу эту ночь у твоего костра? А утром на зорьке меня уже здесь не будет.

– К нам пришёл дархан, они с моим дедом пьют тарасун и что-то говорят о Даши. Завтра с Даши будут разбираться. Меня попросили посидеть пока на улице. Помнишь,

когда у юрты Абарги дархан опрашивал, кто где был во время убийства, а рядом с ним сидели два старика. Один из них – мой дед. А это тебе передала Абарга. Это письмо. Если надумаешь вернуться, передашь его с человеком домой, а если надумаешь остаться там, то порви не читая.

И Дарима подала Баиру листок бумаги, свёрнутый в трубочку. Баиру было тепло и хорошо. Ему нравилось слушать спокойный приятный голос девушки.

6

В это время из юрты вышел дархан, по нему было видно, что он в отличном расположении духа. Он подошёл к костру и присел рядом с Даримой.

– Всё, поговорили мы с твоим дедом и решили, что завтра надо будет отпустить Даши. Хорошего парня держим в колодках. Непорядок.

– Что, уже во всём разобрались? – спросил Баир.

– Разобрались. Абарга помогла, она около юрты Осогора нашла железный штырь, вбитый в чурку, на который он в темноте и напоролся. Вот как в жизни бывает, не знаешь, что тебя ждёт за собственной дверью. Одна Бабушка всё знает, – и показал рукой в небо. – Вот ты, Дарима, скоро будешь настоящей шаманкой и будешь много знать – много, но не всё. Хоть тебя небеса и отметили. А ты, Баир, знаешь, что нашу Дариму небеса отметили с самого её рождения?

– В первый раз слышу. Она вообще не любит о себе говорить.

– Дарима, покажи-ка ему свою небесную отметину, – попросил дархан девушку.

Дарима опустила голову и молчала. Старик не унимался:

– Покажи, покажи. Пусть он видит, с кем сидит у костра. Покажи.

Дарима несмело протянула вперёд руку и разжала кулак. Баир не сразу понял, в чём дело:

– Ну и что? Рука... Шесть пальцев?!

Девушка резко, как от ожога, отдернула руку и спрятала её за спину, так и продолжая сидеть с опущенной головой.

«Комплексует, а не гордится этой отметиной», – ему стало жалко её. И не зная, как разрядить обстановку, Баир стал говорить первое, что пришло в голову:

– Ну и что? Шесть так шесть. У меня много знакомых, у которых шесть пальцев. Есть и по семь. Ничего особенного...

– Как ничего особенного?! – возмутился старик. – Да это же особый знак, которым небеса её отметили, что она не такая, как мы все. Мы с детства готовим её к тому, чтобы она стала белой шаманкой. Её учитель – сама Абарга. Дарима ещё не шаманка, а уже по разрешению Абарги может превращаться в зверей и птиц. Где ещё такое может быть, чтобы не шаманка это умела? Я такого не слышал.

Чтобы уйти от этого неприятного для девушки разговора, Баир попытался сменить тему. И спросил:

– Дархан, а кто такая Абарга? Почему все ей подчиняются?

Старик замолчал, долго сидел, думал, прежде чем ответить.

– Ей не подчиняются, её слушают и делают так, как она говорит. Сначала делали не так, как она говорила, но всё это потом плохо кончалось. А когда всё делают, как она советует, дела идут на лад. Если бы она давала плохие советы, то никто бы её и слушать не стал. А кто она такая, никто не знает толком. Но она не из булагат. Хоть и любит весь наш род. Одного Осогора ненавидела. Может, это она нашаманила смерть Осогору. Но я не знаю этого, поэтому пусть мои слова здесь же и сгорят вместе с этим прутиком.

Старик бросил ветку в костёр. Дарима, которая так и сидела, опустив голову, выпрямилась и посмотрела Баиру в глаза. Баир ей улыбнулся доброжелательно и ободряюще: что ты, мол, грустишь, всё замечательно, всё равно ты всех красивей. Дарима тоже взяла веточку из кучи лежащих рядом дров и бросила в огонь.

– Пусть всё, что мы тут скажем неправильно и несправедливо, всё сгорит, как эта веточка, – сказала она

И опять посмотрела на Баира. Баир не знал, что ему надо сейчас делать, но чувствовал, что от него чего-то ждут. Он тоже взял веточку и сказал:

– Пусть... Пусть останется у нас в памяти только всё хорошее, что мы тут скажем, а всё плохое пусть сгорит, как эта веточка.

И бросил веточку в огонь. По одобрительным взглядам старика и, главное, Даримы он понял, что сделал и сказал всё правильно.

– Хорошо сказали. Я думал, что молодые так не могут. А что молодые?.. Вчера соседский мальчишка стоит передо мной, разговаривает, а сам руки на груди скрестил. Разве можно перед старым человеком так стоять? Не уважают теперь молодые стариков, работать никто не хочет. Мы в молодости такими не были.

Баир вспомнил, что эту длинную песню уже где-то слышал, и не раз, и перевёл разговор в другое русло:

– Конечно, молодёжь должна уважать и дедушек, и бабушек. Дархан, а кто такая бабушка, которая там и которая всё знает? – и он показал пальцем в ночное небо.

– О, это долго рассказывать.

– А мы не спешим. Правда, Дарима?

Дарима неопределённо пожала плечами и ничего не сказала. Старик подбросил ещё немного берёзовых веток в костёр и заговорил:

– Вот это, – он воздел руки к небу, – это тэнгрий. На тэнгрии живут небесные жители – тэнгеринины. Вон там, на восходе, было сорок четыре плохих тэнгерина (сейчас их сорок три). Это они делают заморозки, слякоть, бурю и прочие гадости для людей. А вон там, на закате, жили пятьдесят пять хороших тэнгерина (сейчас их пятьдесят четыре). Они создают урожайный дождик, тёплую погоду, свежий ветерок и всё хорошее. И вот однажды один плохой тэнгерин ушёл вот сюда в центр и сказал: «Всё, я буду жить один и ни от кого не зависеть». Тогда плохие тэнгеринины послали к нему своего богатыря, чтобы он образумил непослушного и уговорил вернуться. А хорошие тэнгеринины тоже отправили своего богатыря, чтобы переманить свободного тэнгерина к себе. Чтобы хороших стало ещё больше. Богатыри поспорили, а потом сразились. Только я не помню точно, то ли хороший сбросил плохого с неба, а тот разбился и разлетелся на куски, то ли разрубил плохого на куски и сбросил куски вниз. Но только каждый кусок на земле превратился в страшное чудовище. И стали эти чудовища тиранить людей – никакого спасения от них не было. Ничего не могли люди с ними поделать. И хорошие тэнгеринины, видя всё это, тоже не знали, что делать. Ведь им нельзя спускаться на землю.

Старик пошевелил палкой костёр и с улыбкой спросил своих собеседников:

– Вы не заснули ещё? Тогда слушайте дальше. И решили тэнгеринины обратиться к Бабушке. Потому что Бабушка выше их, а выше её уже нет никого. Её главная сила в том, что у неё есть большая Книга судеб. В этой Книге написано всё и обо всех: что было, что есть, а главное, что будет. И про нас там всё есть. Почитала она Книгу и сказала: «Пусть тот, кто сбросил тэнгерина с неба, родится на земле человеком и потом станет богатырём, славным батором. И пусть бьётся с этими чудовищами, очищает от них землю».

И родился тот тэнгерин уже на земле в семье хана Саргала. Назвали его Нюргай – сопливый. А по-другому называть ребёнка нельзя. Если злые духи услышат, что ребёнка в юрте называют сопливый или паршивый, то уйдут. Зачем им такой? А если услышат, что мать, например, ласкает дочь и говорит: «Ах ты, моя умница, моя красавица», то духи обязательно постараются её похитить. Или её саму, или её красоту, или её здоровье. Вот поэтому так и назвали в семье хана нового ребёнка.

Как прошло детство Гэсэра, вы вчера слышали от улигершина. У Гэсэра было три имени. На небесах он был Бухэ Бэлигтэ, в детстве Нюргай, а как стал батором, так и получил имя Абай Гэсэр. Жил он восемь поколений и всю жизнь бился за нас, за людей. А потом превратился в самую высокую скалу в Саянах. Но иногда он опять ненадолго

становится человеком и на своём богатырском коне объезжает землю и смотрит, не появилось ли опять какое-нибудь чудовище.

Он бывал и у нас здесь. Он поил коня в Унге, в том месте, где сейчас стоит юрта Абарги. Она специально поставила там юрту к самой воде, чтобы быть очень сильной шаманкой. А ты, Дарима, хорошо у неё всему учись, чтобы стать такой же сильной и мудрой, как она. Не превращайся без нужды в кого-либо. И всегда помни, что шаманка и колдунья – это не одно и то же. Мы с тобой должны держаться вместе: ты белая шаманка, я – белый дархан.

Баир заворожённо слушал старика. Он в раннем детстве слышал что-то подобное, но сейчас на всё взглянул по-новому.

И тут Баир задал свой главный вопрос, который его мучил уже третий день:

– А кто такая Розовая чайка? И почему она выбрала именно меня? Других разве мало? А выбрала меня.

Старик встал и ласково взъерошил волосы на голове Баира:

– Эх ты, Баир. Хоть Абарга и наказала нам отвечать на все твои вопросы, но на этот вопрос я не отвечу. Думай сам. Я, старик, и то догадался, кто она. И ты подумай – и тоже догадаешься. Да-а-а, просидел я тут с вами чуть не всю ночь. Дома, наверное, уже беспокоятся. Пойду домой.

И пошёл от костра в темноту. Уже из темноты раздался его голос:

– Думай, Баир, думай! Да смотри не упусти свою Розовую чайку!

– Дарима, я ничего не понял. Кто такая Розовая чайка? Почему она выбрала меня? Что вообще дархан сказал? – недоумевал Баир.

Дарима встала, отряхнула подол от щепок и направилась к юрте. Около двери она остановилась и оглянулась на Баира:

– Мне тоже давно пора спать. А дархан тебе сказал: «Думай, Баир».

Она зашла в юрту, но через минуту выглянула, показала пальцем на восток и сказала:

– Скоро оттуда прилетит Розовая чайка. Смотри не проспай утреннюю зарю, засоня!

Помолчала и тихо добавила:

– Не упусти свою Розовую чайку, Баир.

И закрыла дверь.